

Евгений Евгеньевич Сухов
Черная братва
Серия «Сомалийские пираты», книга 4

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=658415
Сухов Е. Е. Черная братва: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-51000-9

Аннотация

Сколь корабельному канату ни виться, а конец один... Вот и лидер сомалийских пиратов Юсуф Ахмед познал эту печальную истину на собственном опыте. Российские спецслужбы заманивают его в ловушку, мимо которой вор и налетчик пройти не смог. И теперь ему приходится спасать свою жизнь. Он соглашается на предложение русских – помочь в поисках международного террориста из «Аль-Каиды» Ибрагима. Взамен он получит поддержку в обретении верховной власти в Сомали. Осталось теперь выйти на неуловимого террориста. Внезапно сам Ибрагим находит сомалийца – но это не облегчает, а до предела усложняет задачу...

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	6
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Евгений Сухов

Черная братва

Часть I

Однокашники

Глава 1

Побег

По заверениям журналиста Джона Эйроса, для побега лучшего времени, чем сегодняшняя ночь, не отыскать – Юсуф со своими людьми отбывал в море. Уже через полчаса две колонны пиратов, состоящие из нескольких сотен человек, двинулись в сторону порта, где покачивалась на волнах целая эскадра из доу. Поселок как-то незаметно опустел, еще более погрузившись в темноту, не слышно было ни выкриков, раздирающих ночь, ни пронзительного женского смеха. Все вымерло. А вскоре пираты погрузились на суда, которые, один за другим, отчалили от берега.

Дмитрий приоткрыл занавеску.

– Надо уходить, – посмотрел он на Анастасию. – Другого момента может не представиться.

В глазах девушки отобразилось большое сомнение. Ее переживания были понятны. За время заточения она успела привыкнуть к своему жилищу, обставив его нехитрыми поделками. Если они отважатся на побег, придется поломать устоявшийся образ жизни, который создавал иллюзию защищенности. Впереди ожидает неизвестность, и чем она обернется лично для них, не ясно.

– Хорошо, – согласилась Анастасия, приняв наконец трудное для себя решение.

Вышли из дома, тихо прикрыв за собой дверь, и направились к дому Юсуфа Ахмеда. Его внедорожник стоял у самого крыльца.

– Если кто-то будет подходить, дашь мне знать.

– Как?

– Ну-у... покашляй, что ли.

– Хорошо.

Дмитрий Тимин неслышно поднялся по ступенькам крыльца и потянул на себя ручку. Дверь поддавалась, тихонько скрипнув. Юсуф Ахмед никогда не закрывал свое жилище, трудно было предположить, что кто-то посмеет покуситься на хранимые в нем ценности. Тенью прошел в прихожую: где-то здесь должен висеть ключ от машины. Чиркнув зажигалкой, он осветил крошечным пламенем стены. В самом углу на небольшом крючке в виде рогов антилопы висел ключ от старенькой «паджеры» Юсуфа Ахмеда. Взяв его, он вышел на улицу и, схватив жену за руку, спросил:

– Никого не было?

Девушка дрожала, и Дмитрий понимал, что холод здесь ни при чем.

– Собака пробежала... А так никого.

Сняв машину с сигнализации, он сел в салон, подождал, пока рядом устроится Анастасия, и, вставив ключ в замок зажигания, с волнением повернул его. Двигатель негромко заработал. Все – обратный путь отрезан. Надавив на газ, Дмитрий сначала медленно, потом, прибавив скорость, покатыл по улице.

– Куда мы едем? – спросила Анастасия.

Тимин отметил, что она уже не дрожит, и голос прозвучал значительно крепче.

– Лучше ехать до Эфиопии, это всего лишь часов шесть пути, туда уж они точно не сунутся.

Глава 2 Морской бой

Племя Дарод, к которому принадлежал Юсуф Ахмед, пришло в Аденский залив из Южной Африки. Именно там в глубокой древности одним из старейшин был найден голубой алмаз, считавшийся душой народа и передаваемый из поколения в поколение, от отца к старшему сыну. Так продолжалось много веков, пока на земли племени Дарод не пришли европейцы. Забрав с собой алмаз, племя двинулось на северо-восток, пока наконец не оказалось на территории современного Сомали. Однажды сын вождя в честном поединке убил белого человека. И чтобы спасти племя от уничтожения, вождь передал командиру карательной экспедиции голубой алмаз. Позже этот алмаз был подарен португальскому генералу в благодарность за «теплое местечко» в Лиссабоне. Уникальный алмаз за чудный и неповторимый цвет был назван «Небо Сомали». После смерти генерала он выменивался еще много раз, побывал едва ли не во всех европейских королевских дворцах, пока, наконец, не оказался у английского короля Георга Пятого, который и подарил его русскому царю Николаю Второму во время его путешествия по Европе.

У Юсуфа Ахмеда была большая мечта: вернуть алмаз «Небо Сомали» на родину. Посещая «Алмазный фонд», он всякий раз шел к витрине, где находился алмаз его племени и простаивал перед ним часами, придумывая планы его похищения. А когда он узнал, что русский «Алмазный фонд» собирается показать свои сокровища странам Африки и Азии, решил немедленно воплотить один из своих планов в действие.

Задача облегчалась: «Алмазный фонд» перевозился на корабле «Красная Сибирь». Юсуф Ахмед попросил своих людей, работавших на Суэцком канале, попритереть русское судно под благовидным предлогом, дать возможность его разведчикам взойти на борт и провести скрытую съемку, что впоследствии и было сделано. Дело оставалось за малым: захватить корабль вместе со всеми алмазами. Тогда Юсуф даже не мог предположить, что в действительности это была тщательно спланированная операция российских спецслужб, и в результате вместо желаемых алмазов он оказался у них в плену.

Правда, существовал один положительный момент: на борту оказался его однокашник Анатолий Шестаков, с которым он когда-то заканчивал Бакинское военно-морское училище. Судя по тому, как уверенно он держался, можно было предположить, что на судне он главный.

Юсуф Ахмед держался очень спокойно и с большим достоинством, как и подобало главе всесильного клана: ни взглядом, ни даже поворотом головы не выдал своего скверного настроения; ничто не свидетельствовало о том, что он рассержен или проявляет хотя бы какую-то нервозность. Со стороны могло показаться, что он заглянул всего-то на пару минут: вот сейчас перемолвится несколькими фразами со своими старинными приятелями, которых не видел уже много лет, и отправится восвояси.

Огромный, с выступающим животом, Юсуф Ахмед буквально расплылся в широком мягком кресле, а крепкие мускулистые руки оставались поверх подлокотников. В этот момент он представлялся воплощением покоя, но нужно было хорошо знать Юсуфа Ахмеда, чтобы понимать – действительность была иной.

Анатолий Шестаков, сидевший напротив бывшего однокашника, источал неподдельное радушие. Их разделял небольшой резной столик из красного дерева, на котором стояла початая бутылка шотландского виски, а рядом на большой тарелке лежали аккуратно нарезанная ветчина, салат оливье, заправленный майонезом, простенький жульен и несколько кусков бородинского хлеба, уложенных горкой. Немного сбоку на узеньком диванчике рас-

положился Матвей Невзоров, с хитровой улыбкой поглядывающий на Юсуфа Ахмеда. В трех стаканах, заполненных на треть, плескался напиток. Картина банальнейшая, подобную можно наблюдать в любом уголке России: собрались трое мужиков, чтобы за неторопливым разговором «уговорить» поллитровку. Разница лишь в том, что вместо бутылки водки на столе стоял дорогущий виски, да и обстановка была не из простых – капитанская каюта с подчеркнута морским аскетизмом.

– Как мне теперь к вам обращаться – мистер Джон или, может быть, товарищ Невзоров? – угрюмо спросил Юсуф Ахмед, посмотрев на Матвея.

– Как вам заблагорассудится, теперь это уже не имеет никакого значения, – рассмеявшись, отмахнулся Матвей.

– А ведь я предчувствовал нечто такое, – выдавил из себя Юсуф Ахмед.

– Именно поэтому вы и устроили проверки?

– Вы их все прошли. До сих пор удивляюсь, как вам это удалось. Я ведь всерьез поверил, что вы журналист, работающий под английского резидента.

– Просто меня очень хорошо подготовили.

В Сомали Матвей Невзоров появился под именем Джона Эйроса, назвавшись сначала английским журналистом, пишущим материал о пиратах для авторитетной лондонской газеты. Подобная легенда давала ему возможность встречаться с вождями племен и главами кланов, а также свободно разъезжать по стране. Но активная деятельность журналиста вызвала подозрение, и Юсуф Ахмед предположил, что в Сомали тот прибыл не случайно и, скорее всего, занимается сбором информации для какой-то страны. Осталось только узнать, чьи именно интересы он представляет и каковы его задачи. Продержав Джона в заточении сутки, Юсуф подверг его жесткому допросу, выдавив из него «признание» в том, что он является британским разведчиком. В период своего кратковременного обучения в Лондоне на него тоже выходили британские разведслужбы и даже предлагали свое сотрудничество, поэтому в появлении Джона Эйроса Юсуф не видел для себя никакой уроды. Именно от него он узнал, что в Аденин залив движется судно «Красная Сибирь» с российским «Алмазным фондом» на борту. Кто бы мог тогда подумать, что это была тонко просчитанная операция российских спецслужб, главная цель которых – глава клана Дарод, а именно Юсуф Ахмед...

– А ты постарел, – произнес Шестаков после затянувшегося молчания, разглядывая приятеля.

– Ты тоже не помолодел, – невесело буркнул Юсуф Ахмед.

– Возможно....

– Никогда бы не подумал, что встречу тебя через столько лет, да еще в такой обстановке.

– В жизни случается и не такое, – туманно ответил Шестаков, почему-то верилось, что он знает, о чем говорит. – Виски пить будешь, или того... религия не позволяет?

– Чего уж там, – махнул рукой Юсуф Ахмед, – отчего же не выпить со старым другом.

Три стакана осторожно сошлись в одной точке, негромко звякнув. И поди разберись, чего больше было в этой рапсодии: не то звенящей радости, не то погребального отчаяния.

Анатолий уверенно расправился с виски в два небольших глотка. Невзоров, слышавший человеком непьющим, лишь пригубил, аккуратно поставив рюмку на стол, а Юсуф Ахмед, вызвав улыбку у товарищей, опрокинул виски одним махом, даже не поморщившись. Именно так с проклятушкой поступают мужички, определившись на троих. Но мужиков с экзотической внешностью, столь умело расправлявшихся со спиртным, наблюдать приходится не часто.

– Красиво пьешь, – уважительно высказался Шестаков, аккуратно поддев вилок кусок ветчины.

Юсуф Ахмед не пожелал отставать, оглядев разносолы, выбрал тонкий кусок колбасы и аккуратно уложил его на хлеб.

– Неудивительно, – хмыкнул он, – ты знаешь, какую питейную школу я прошел; как говорится, дай бог каждому. Никогда не думал, что можно выпить столько водки; а потом, оказывается, и ничего, привыкаешь.

Шестаков предпочел ломтик соленого огурца.

– Согласен, тут привычку надо иметь.

– Кто ты сейчас по званию?

– Контр-адмирал.

– Значит, карьера состоялась?

– Получается, что так.

– Но служишь в военной разведке?

– Так сложилась жизнь.

– Вижу, что не очень грустишь по этому поводу.

– Работа интересная, грустить не дает.

– А как там Головин?

– Он сейчас вице-адмирал.

– Ого! Впрочем, он всегда отличался способностями.

– Головин тебя вспоминал.

– Понимаю, поэтому я здесь, – невольно фыркнул Юсуф, – видно, решил поговорить со своим однокашником, вспомнить годы учебы в Бакинском училище... Только он нашел не самый лучший способ для приглашения. Мог бы позвонить, я бы сам к нему прилетел. А то и он ко мне...

Юсуф дружил с Головиным еще с первого курса. После окончания Бакинского мореходного училища они еще некоторое время поддерживали связь, а потом после глобальных перемен: Советский Союз распался, а Сомали увязла в череде гражданских войн, отношения их забуксовали, а позже и вовсе прекратились.

– Но нам известно, что ты тоже не маленькая птица. Едва ли не половину Сомали контролируешь.

– Преувеличивают, – отмахнулся Юсуф Ахмед, усиленно пережевывая бутерброд. – Это недоброжелатели говорят.

– А у нас о тебе совершенно другие данные, – продолжал источать радушие контр-адмирал. – Сказывают, что ты едва ли не единственный хозяин Пунтленда.

– И что же еще говорят такого?

– Что ты – глава клана Дарод, самого многочисленного и боеспособного в Сомали. Имеешь даже небольшую механизированную бригаду и небольшой флот. Хочешь подробности? – прищурился Шестаков.

– Валяй.

– Шестнадцать боевых катеров и один сторожевой корабль. Я уже не говорю о многочисленных доу с различным водоизмещением. Кроме того, ты человек весьма небедный. У тебя около полусотни счетов в швейцарских банках, в Америке, а на Гибралтаре у тебя...

– Ха-ха-ха! – громко рассмеялся Юсуф Ахмед. – Все-таки как меняются люди! Кажется, я начинаю понимать тебя, Анатолий, ты решил получить за меня выкуп. Похвально! Я бы даже сказал, очень смело! Видно, в Россию действительно пришли рыночные отношения, если дело зашло столь далеко. Хорошо, во сколько ты меня оцениваешь? В миллион долларов? В два?..

Шестаков аккуратно взял бутылку, разлил виски по рюмкам, ровно на один палец, и заговорил совсем на другую тему:

– А помнишь, как мы с тобой к сестрам наведывались, когда учились в училище?

Лицо у Юсуфа доброжелательное, располагающее. Глядя на этого крупного и тучного человека, с трудом верилось, что его может что-то вывести из равновесия.

– Как же такое забудешь... Ты ходил к старшей, а мне младшая приглянулась.

– Верно, горячие девчонки были!

Поднимать рюмку Юсуф Ахмед не торопился.

– Ты не ответил на мой вопрос, Анатолий... Хорошо, пусть будет три миллиона.

Приподняв рюмку, Шестаков произнес:

– Твое здоровье, Юсуф!. Да, классные были девчонки. Кажется, с младшенькой у тебя завязался нешуточный роман. Помню, она у меня все расспрашивала, как там Юсуф, что он делает, нет ли у него еще девушки? Ну, ты же знаешь, что такое мужская солидарность, я тебя выгораживал, как мог. Кстати, за это ты со мной так и не расплатился. Мог бы стакан, что ли, как-нибудь налить...

– Тебе мало трех миллионов? – все более мрачнел Юсуф Ахмед. Дело заходило далеко. Правый уголок рта слегка пополз вверх, отчего его широкое лицо стало асимметричным. Теперь он не выглядел столь добродушным, а в голосе обнаружились стальные нотки. – Это очень хорошие деньги, тебе хватит их на всю жизнь.... Ну, хорошо, сколько тогда хочешь? Называй сумму!

– Вижу, что ты изменился не только внешне, но и внутренне, – покачал головой контр-адмирал. – Вот мы с тобой сидим, разговариваем, а ты нашу дружескую беседу на деньги пытаешься перевести...

– Ты меня удивляешь, Анатолий. Хочешь сказать, что эта история с организацией выставки российских алмазов, а потом моим похищением была придумана для того, чтобы мы с тобой распивали здесь виски?

– Все не совсем так. Если не позабыл, так это ты сам пришел сюда, на этот корабль, – за алмазом.

– Пришел... И тебе оставалось только захлопнуть дверцу, чтобы поймать меня. Что ты и сделал!

– Юсуф, твое пребывание на корабле зависит от того, насколько ты будешь откровенен с нами.

– И что же тебя интересует?

– Кто такой Ибрагим? Это первый вопрос....

– Вот оно что... И какой же второй?

– Что он замышляет в этом районе? Мы уверены, что готовится что-то очень крупное, рассчитанное на большой общественный резонанс.

– Я могу назвать с десяток Ибрагимов, с которыми у меня дружеские отношения, – безмятежно отозвался Юсуф. – Тебе может показаться странным, но в Сомали это имя весьма распространено; если ты не забыл, ислам у нас официальная религия.

– Ты прекрасно знаешь, о каком Ибрагиме идет речь. Мы не сидим без дела; следы его пребывания обнаружились в Москве, в Чечне, в Афганистане. Там, где он появляется, обязательно происходит какой-нибудь крупный террористический акт. А в Сомали в последнее время он особенно зачастил и вообще уделяет этому региону очень большое внимание.

– Ты хороший парень, Анатолий, – улыбаясь, проговорил Юсуф Ахмед, – но с чего ты решил, что я буду тебе помогать, да еще находясь в таком униженном положении? Хочу тебе напомнить, что мы с тобой уже давно находимся по разные стороны баррикад. – Посмотрев на ручные часы, он со значением добавил: – Знаешь, мне было приятно поговорить с тобой, вспомнить давнее. Но, как говорится, спасибо за приглашение, спасибо за то, что уделил мне время. Сам понимаешь, не могу злоупотреблять твоим гостеприимством, мне пора идти. – Юсуф поднялся. – Провожать меня не нужно, доберусь сам. Надеюсь, мой катер под надежной охраной?

– Можешь не сомневаться, под надежной, – усмехнулся Шестаков. – Только ведь наш разговор не закончен.

– Ты меня не отпускаешь?

– Мне бы не хотелось, чтобы ты так считал. Ты – мой гость!

– Вот что я тебе скажу, Анатолий, если через пять минут я не появлюсь на своем катере, то уже через полчаса твой корабль будет окружен моими кораблями и атакован. И я не берусь предсказать, как может закончиться лично для тебя это противостояние.

– А я все-таки буду настаивать на гостеприимстве!

– Все не так просто, как ты думаешь, – отрицательно покачал головой Юсуф. – На этом корабле у тебя не так много людей, мне это известно. Я наблюдаю за ним с самого начала, как только он вошел в воды Суэцкого канала. У меня есть видеозаписи твоего корабля с бортов и с воздуха. Мы изучили все достаточно хорошо, и для нас не составит большого труда захватить его.

– Рядом коридор безопасности, контролируемый международными военно-морскими силами, – заметил Шестаков.

– Не обольщайся! – расхохотался Юсуф, запрокидывая голову. – Ближе всех к тебе стоит русский сторожевик «Стремительный», но он подойдет не раньше чем через три часа, а за это время может многое произойти.

– Ты мне угрожаешь?

– Просто хочу предупредить, что мои люди очень разгневаются, а для экипажа такой исход может быть весьма печальным.

– Знаешь что, я, пожалуй, все-таки рискну. И потом, мы давно не виделись, а мне всегда интересно пообщаться со своим старинным другом. Дежурный! – громко крикнул Шестаков.

На зов контр-адмирала в каюту вошел высокий матрос с юношескими чертами лица и крупными мускулистыми руками.

– Товарищ контр-адмирал, матрос Ковалев по....

– Отведи нашего гостя в его каюту, – перебил его Шестаков. – Очень надеюсь, что ему понравится наш прием. Сделай так, чтобы он ни в чем не нуждался и чувствовал себя, как дома.

– Есть!

В сопровождении матроса Юсуф покинул каюту.

Впечатление от разговора оставалось сложным. Контр-адмирал знал Юсуфа Ахмеда со времен учебы в мореходке и понимал, что тот не станет пугать понапрасну, не та порода! Умный, расчетливый, гибкий – именно таким он был в военно-морском училище и вряд ли перековался в кого-то другого. А уж о безопасности позаботился заблаговременно: прежде чем взойти на борт чужого корабля, наверняка продумал и план отхода.

– Пойдемте в капитанскую рубку. Интересно посмотреть, что же он там для нас приготовил.

Рубка была просторная, уютная, стены обиты тиковым деревом – некоторый изыск под старину. Под окнами – панели приборов, по центру – штурвал, под которым лежал небольшой мягкий коврик, с правой стороны от штурвала прикреплен цифровой коммутатор, с левой – спутниковый телефон. Здесь же, придвинутое к задней стенке рубки, стояло кожаное кресло, покрытое плащом.

Уже рассвело. Темень неохотно отпускала из своих вязких объятий океан, казавшийся в предутренний час невероятно синим. Глядя на него, невольно возникало ощущение одиночества и потерянности, замешанное на каком-то невероятно диком мальчишеском восторге, и, только всмотревшись вдаль, туда, где темень разбивается лучами восходящего солнца, с удивлением замечаешь углые суденышки, разбросанные по воде, будто маковые зернышки на хлебном срезе.

«Сколько же их здесь?» – с удивлением подумал Шестаков. В пределах видимости их было не менее сотни – точнее, они не поддавались подсчету: находясь порой вблизи друг от друга, просто сливались в одну жирную точку.

Анатолий поднял бинокль, и неясные точки разом приобрели очертания моторных лодок, в каждой из которых размещалось по четверо пиратов. Если сложить всех людей воедино, получится небольшая десантная бригада. А еще дальше, у самой кромки горизонта, контр-адмирал рассмотрел несколько кораблей типа доу, выстроившихся рядком. За ними торчала рубка боевого катера. Обычно в таком порядке выстраиваются боевые корабли, отправляющиеся в поход. Вот только что-то флагманского корабля не рассмотреть.

– Кажется, наш друг Юсуф не блефовал, когда сказал, что нас могут ожидать некоторые неприятности, – угрюмо проговорил контр-адмирал, посмотрев на капитана.

Капитаном корабля «Красная Сибирь» был капитан второго ранга Григорий Викторович Мажуров, черноволосый красавец баскетбольного роста, имеющий немалый опыт дальних походов. Его рекомендовал вице-адмирал Головин, и, судя по тому, как тот проявил себя во время непростой ситуации при прохождении Суэцкого канала, было понятно, что выбор сделан верно.

– У меня такое же чувство, – ответил Мажуров. – Я уже предупредил экипаж, чтоб готовились к отражению атаки.

– У сомалийцев численный перевес.

– Согласен, но нам важно продержаться часа два, а там «Стремительный» поможет.

Вдруг с кормы ближайшего судна в почерневшее небо полыхнула красная ракета. Поднявшись по кривой траектории, она оставила за собой рассеивающийся след белесого дыма и вмиг погасла, соприкоснувшись с водной поверхностью.

Выпущенная ракета вполне могла служить сигналом к атаке.

Сразу по курсу Шестаков насчитал еще двенадцать судов, отстоявших друг от друга на одинаковом расстоянии, – те же самые доу, с которыми приходилось сталкиваться на протяжении всего пути. На многих из них даже установлены мачты с парусами. Их начали строить едва ли не во времена египетских пирамид, корабли представляли собой идеальное средство для рыболовецкого промысла. Вот только вряд ли в их трюмах можно было бы отыскать сети. Нынче рыбаки заняты куда более выгодным промыслом: захватом пассажирских и грузовых кораблей.

Григорий вспомнил прошлогодний рейд в рамках безопасности в Аденском заливе. Тогда он был командиром сторожевого корабля, в задачу которого входило проверять все доу, находящиеся вблизи коридора безопасности. О том, что предприятие невыполнимо, он понял уже к исходу вторых суток. Только в пределах видимости он насчитал около полутора сотен судов водоизмещением до пяти тысяч тонн. Стоило только десантироваться на одно из них, чтобы проверить, чем именно забиты трюмы, как другие суда тотчас начинали выходить из квадрата, а те немногие, что не могли укрыться за спасительной чертой, поспешно сбрасывали оружие в воду и встречали моряков с радушной улыбкой. Так что ожидаемого результата добиться не удалось.

Отыскав среди доу самое крупное судно, Мажуров принялся всматриваться в его длинный тонкий профиль. На первый взгляд весьма обыкновенное, ничего такого, что могло бы насторожить. Именно такие суда используются для торговли в странах Персидского залива, в Индийском океане, в прибрежных водах Аравийского полуострова. Но в действительности перед ним была типичная пиратская база, на борту которой, кроме обыкновенного вооружения в виде стрелкового оружия и гранатометов, находились моторные лодки с сильнейшими двигателями, позволявшими пиратам уходить на многие сотни миль от своих берегов. Сколько же таких баз по всему Аденскому заливу? Сотня? Две? Может быть, даже не одна

тысяча! Ясно одно: пираты появляются всякий раз из ниоткуда; вооруженные пулеметами и «стингерами», они грозятся потопить судно, если оно не сдастся на их милость.

– А это что еще за дьявол?! – выдохнул рядом контр-адмирал.

На «Красную Сибирь» двигались два патрульных катера, красиво разрезая спокойную воду залива. В носовой части – автоматические интерцепторы, способные значительно улучшить ходовые качества судна. На палубе отчетливо просматривалась тумбовая пулеметная установка и ракетно-артиллерийский комплекс. Катера двигались красиво, на хорошей скорости, оставляя за кормой расходящийся во все стороны пенный след.

– Они идут прямо сюда, – проговорил Невзоров.

Следом за катерами, развернув острые носы, двигались доу. Через несколько минут они возьмут «Красную Сибирь» в плотное кольцо.

– От катеров не уйти.

– Принимать бой не имеет смысла, у нас не то вооружение. Мы же не военный корабль, а одна ракета с катера может отправить наше судно на дно.

– В таком случае они потопят и Юсуфа.

– Однако они серьезно настроены. Может, мы все-таки...

– Даже не думай! – прорычал контр-адмирал. – Юсуф останется на корабле. Еще неизвестно, как они поведут себя после того, как его получат. А кормить рыб что-то не входит в мои планы.

– Разумно. Экипажу быть на своих местах и подготовиться к отражению пиратского захвата! – проговорил Мажуров по внутренней многоканальной связи.

– Товарищ капитан второго ранга, может, применить оружие? – услышал он голос командира штурмовой группы.

– Отставить! – жестко приказал капитан. – Попробуем как-нибудь без горячительного, авось обойдется.

– Не обойдется, товарищ капитан второго ранга, я с этой публикой знаком, будут идти буром.

– Заприте Юсуфа в цитадель, приставьте к нему охрану и глаз с него не спускайте.

– Есть!

Патрульные катера стремительно приближались. Теперь их можно было рассмотреть даже невооруженным глазом. Автоматизированные, с высокой боевой остойчивостью, обтекаемые, с минимальным количеством острых углов, они представляли впечатляющее зрелище. В их строгих и одновременно красивых очертаниях угадывалась жажда боя. Шестаков нажал кнопку радиосвязи. В ответ раздались небольшие помехи, напоминающие шуршание гальки, через которые пробился бодрый голос командира сторожевого корабля «Стремительный» Макарова.

– Слушаю, Григорий Викторович.

– Сергей Леонидович, похоже, не всем нравится, что мы пригласили к себе на борт нашего старинного друга Юсуфа Ахмеда.

– Что так?

– Тут против нас развернули целую военно-морскую операцию. Действуют по всем правилам военной науки: два патрульных катера заходят по бортам, а целая армада из доу движется прямо на нас. Не хочу сказать, что нам сделалось страшно, но они намекают на то, что схватка может быть весьма нешуточной.

– Здесь у меня жарко, Григорий Викторович, в буквальном смысле этого слова. Почти одновременно загорелись японский и бельгийский сухогрузы. Иду на тушение пожара. Подозреваю, что это было сделано намеренно, чтобы я оставил вас без прикрытия.

– Согласен с тобой, Сергей. Через какое время сможете к нам подойти?

– На бельгийском судне пожар почти потушен. – Искаженный микропроцессами, исходящими в рации, голос капитана казался немного металлическим, он то ослабевал, то становился громче, как если бы корабль угодил в качку. Но связь по-прежнему оставалась устойчивой, и Мажуров отчетливо различал все нюансы интонаций. Похоже, капитан был рассержен, вот только с чего бы это? – Проведу эвакуацию, а потом сразу же направляюсь к японскому танкеру. Кажется, этих ребят сильно потрепало, они едва успели высадиться с танкера, и он вспыхнул, как спичечный коробок.

– Люди целы?

– Им повезло, они успели разместиться в шлюпках. Мне надо их подобрать. Это не займет много времени, придется сделать крюк в несколько миль. К вам я смогу подойти часа через два, максимум через три. Продержитесь?

– Попробуем! Куда же нам деться! До встречи!

Мажуров отключил радиосвязь, сосредоточив свое внимание на двух разбегающихся катерах. Тот, что был справа, неожиданно начал подавать световые сигналы, призывая «Красную Сибирь» к сдаче, а боевой катер, шедший слева, включил сирену, увеличивая звук с каждым пройденным ярдом.

Психологическую атаку устроили, мать твою!

А по курсу, набирая скорость, прямо на него в линейном строю двигалась армада доу, с закрепленными в носовой части крупнокалиберными пулеметами. А на крайнем – мать честная! – Григорий рассмотрел корабельную зенитную артиллерию. Григорий невольно поморщился: при залповом огне они могут принести неприятности.

Экипаж уже сосредоточился на палубе. Вдоль бортов стояли шесть человек, сжимая противопожарные шланги; командир штурмовой группы держал длинный топор, наверняка снятый с противопожарного щита. Настрой экипажа был решительный.

Оба катера остановились метрах в тридцати, слегка просев. Некоторое время, покачиваясь на волнах, они будто бы присматривались к «Красной Сибири», а потом, привлекая к себе внимание, раздался вой сирен, и следом, усиленная мегафонами, прозвучала чистейшая английская речь:

– Капитан судна, у вас на борту находится гражданин нашей страны, предводитель клана Дарод Ибн Араби Юсуф Ахмед. Нам известно, что вы насильно держите его на борту. Мы требуем его немедленного освобождения... Даем вам десять минут. В противном случае будем вынуждены атаковать ваше судно.

– Сколько в этом квадрате кораблей? – спросил Шестаков у капитана.

– Сказать трудно, но, думаю, не меньше тысячи.

– А рыбацких?

– Может, и есть, – пожал плечами капитан второго ранга, – но я в это не верю.

– Время на раздумывание они нам не дают. Его ровно столько, чтобы привести Юсуфа и передать его пиратам.

Эскадра остановилась в трех милях от «Красной Сибири». Вполне убойная дистанция, по-другому ее можно назвать прямой наводкой. Стволы башенных зениток хищно посматривали на корабль, от них так и потягивало жженым порохом, а отверстия стволов, глубокие и темные, очень напоминали пустые глазницы высохшего черепа. Фу– ты, какая только чертовщина не лезет в голову, когда созерцаешь вражеский арсенал!

Вот она, война, всего-то на расстоянии вытянутой руки.

В бинокль было видно, что с доу сгрузили моторные лодки. Пираты действовали слаженно, в несколько рук. Работа привычная. Григорию даже показалось, что он услышал, как днища лодок шлепнулись о поверхность воды, а потом океанический покой разодрали звуки ревущих моторов. Высоко задрал носовую часть, стремительно, как и подобает лод-

кам, оснащенным могучими моторами, они направились к «Красной Сибири», стоящей в дрейфе.

Мажуров поднес к глазам бинокль и принялся рассматривать приближающиеся лодки. Их было много, не менее тридцати, они двигались со всех сторон, грамотно окружая корабль. У некоторых пиратов в руках были трубки спутниковых телефонов. Всего-то несколько брошенных фраз, и рисунок захвата существенно менялся, становился более жестким и бескомпромиссным. У Григория невольно возникла мысль, что кто-то, невероятно сильный, крепко ухватил его за горло и с каждым пройденным метром сжимал все сильнее. Ему противостоял очень сильный и опытный враг, который сейчас находился вне зоны досягаемости и подобно тонко мыслящему дирижеру, связанному со своим большим оркестром тысячами нитей, подчинял всех своей крепкой воле. Вот четыре лодки отделились от общей эскадры и перекрыли отход «Красной Сибири», так что, если возникнет желание убираться из этого чертового квадрата, придется просто их протаранить. Но вряд ли остальные сотни лодок останутся безучастными. Еще восемь лодок рассредоточились у бортов, и по две посудины застыли у боевых катеров, составляя нечто вроде почетного эскорта.

В каждой лодке от четырех до шести человек, в подавляющем большинстве молодые люди, самому старшему из которых не более двадцати пяти лет. Боевой возраст, надо сказать. Невзирая на ветер, все одеты весьма просто: лишь широкие белые рубахи и легкие штаны, на босых ногах сандалии. Именно так одевались их предки сотни лет назад. На первый взгляд обыкновенные рыбаки, каких немало встречается в Аденском заливе, вот только вместо удочек на сей раз в их руках были автоматы и гранатометы. Но справлялись они с ручными гранатометами столь же сноровисто, как повар – с большим половником.

Заметив направленный на них бинокль, один из сомалийцев поднялся во весь рост и повернул пулемет прямо на «Красную Сибирь», затем чуток повел стволом в сторону, производя предполагаемую очередь, и в широкой улыбке, показывая крупные лошадиные зубы, опустил на прежнее место.

Капитану второго ранга Мажурову пришлось мобилизовать все внутренние ресурсы, чтобы выглядеть непроницаемым: от этих чертовых сомалийцев можно ожидать чего угодно! Эти ребята – профессионалы, они знают, что делают.

Григорий посмотрел на часы: оставалось две минуты. Самое время подбодрить экипаж, еще неизвестно, с чем им придется столкнуться в последующие два часа. Вместе с Шестаковым он спустился на палубу. Лица у матросов сосредоточенные, серьезные, но страха не видать, такие люди готовы к самому худшему. Впереди их ожидала обыкновенная мужская работа – биться с неприятелем, а тут важно не оплошать. Самый подходящий момент, чтобы сказать что-то подходящее случаю, но вот нужных слов не подобрать – так и лезет в голову одна банальщина. Матросы сделали шагок навстречу, тем самым уплотнив вокруг капитана и контр-адмирала пространство, и Мажуров враз почувствовал себя стесненным.

– Воды не желей, – повернулся он к матросу, державшему пожарный шланг. – Чтобы напор был подходящий.

Матрос расплылся в улыбке – подходящие слова были найдены.

– Понял, товарищ капитан второго ранга, сделаю все, как нужно. Струя, что надо, с ног сбивает!

– А вы не давайте пиратам забрасывать на поручни лестницы, – сказал он матросам, растянувшимся в линейку вдоль борта.

Напоминание было лишним, но следовало дать понять экипажу, что капитан вникает в любую мелочь. Приемы отражения пиратской атаки были не однажды отточены во время антитеррористических учений, каждый из матросов до боли в мозолях знал свое ремесло, но сейчас слова капитана каждый из них воспринимал, как откровения апостола.

– Будем рубить, если нужно, – сказал матрос, стоявший ближе всех, показав припасенный топор.

– Первая очередь за тобой, – сказал Мажуров старшему матросу, стоявшему у звуковой пушки. – Как только они начнут перелезать через борта, тогда и начинай. Бьет по ушам, что надо, лопаются даже барабанные перепонки.

– Я не подведу, – скупно отозвался старший матрос, едва кивнув.

Катер, потеряв терпение, включил сирены, враз ударившие по ушам. Теперь это был боевой слон, изготовившийся к атаке.

– Вот, кажется, и началось, – просто объявил капитан и тотчас почувствовал, что отыскал главные слова.

Подошедшие лодки разом ткнулись носами в обшивку судна.

За тысячелетнюю историю пиратства мало что изменилось в технике абордажа: вооружившись металлическими лестницами и крюками, сомалийцы цеплялись ими за борта и расторопно, подобно обезьянам, пытались взобраться на корабль. Матросы, рассредоточившись вдоль бортов, сбрасывали лестницы вниз, рубили топорами канаты с крюками, но уже в следующую секунду, царапая обшивку, новые крюки набрасывались на поручни.

По лестницам, одновременно с двух сторон, на палубу проворно стали подниматься пираты. В какой-то момент показалось, что корабль будет захвачен, но неожиданно громко, ударяя по барабанным перепонкам, прозвучала звуковая пушка, заставив их приостановиться. Несколько мгновений оказалось достаточно, чтобы сбросить крюки и лестницы. Теряя равновесие, пираты полетели в воду. Еще один удар звуковой пушки заставил нападавших, согнувшись в три погибели, зажать уши ладонями. У пиратов, ближе всех стоявших к звуковой пушке, тонкой струйкой потекла из ушей кровь – эти уже не бойцы! Еще один звуковой удар, более продолжительный, вынудил их вжаться в лодки. Вместе со звуком под черепную коробку пробирался страх, парализуя волю. Нужно быть настоящим безумцем, чтобы двинуться навстречу акустическим волнам. Звуковая пушка затихла только на миг, чтобы в следующее мгновение разразиться более усиленной бранью. И тут, явно выражая неудовольствие, где-то внутри патрульного корабля включилась система автоматического наведения, спаренные пулеметы на башне крутанулись, хищно выискивая цель и, отыскав ее, установили длинные стволы точно в звуковую пушку, расположенную в носовой части. Прозвучала короткая очередь в башенные выступы: в стороны полетел покореженный металл, разлетелись куски пластмассы, и акустика, не набрав должной силы, оборвалась.

Лодки с сомалийцами продолжали прибывать. Теперь у борта корабля образовалась настоящая толкотня, пираты гроздьями висели на лестницах в желании первыми взобраться на палубу.

– Стерегите корму! – прокричал Мажуров.

Двое из пиратов, подвесив металлическую лестницу на перила, стремительными ящерицами поднимались по ступеням. Вот один из них, тонкий и юркий, уже перелез через борт, чтобы ступить на палубу, но в тот же момент упругая струя из пожарного водомета ударила ему в грудь, швырнув обратно в море. Другой, подняв оружие, пытался ответить автоматной очередью, но мощный напор заставил его тоже потерять равновесие, и он с коротким криком перелетел через перила.

Теперь пираты атаковали со всех сторон одновременно. В носовой части завязалась драка: двое матросов, размахивая топорами, теснили к перилам с десятков сомалийцев, упорно не желавших возвращаться в лодки и, растекаясь, понемногу обходявших матросов. С правой стороны корабля одновременно в четырех местах сомалийцы перелезли через борт и, размахивая оружием, пытались прижать моряков к палубным надстройкам. Но те, вооружившись пожарными шлангами, образовав круг, поливали их сильными струями воды, теснили к ограждениям, сбрасывали в море. В какой-то момент показалось, что отбита послед-

няя атака, но вдруг из-за борта поднялась тощая фигура с оскаленной физиономией и с «АКМ» в тонких руках. Тотчас над головой моряков прозвучала длинная зловещая очередь. Часть пуль, слегка зацепив угол капитанской рубки, ушла далеко в море. Другие, яростно простучав по второй палубе, отрикошетив, по кривой дуге улетели в небо. Матросы отступили всего-то на шаг, сбавив напор, и в тот же самый миг на палубу запрыгнули несколько человек и, размахивая автоматами, бросились на них.

С носовой части корабля прозвучала длинная очередь, за ней, столь же сердитая, – другая. Но убитых не было; палили больше для острастки, в желании потеснить и сломать сопротивление. И совсем некстати где-то неподалеку гулко ахнул гранатомет, на какое-то мгновение приостановив противостояние: видно, для того, чтобы осмотреться и продолжить схватку с утроенной ожесточенностью. Мажуров с Шестаковым, вооружившись шлангами, смывали пиратов с носовой части, но те, уподобившись чертикам из табакерки, выскакивали вновь.

– Да сколько же их там? – в отчаянии выкрикнул Шестаков.

– Похоже, что пираты пришли сюда со всего Аденского залива.

– Они всерьез решили отбить нашего друга Юсуфа.

– Посмотрим, что у них получится из этого!

Подобравшись к самому борту, Мажуров напором воды пытался отогнать от корабля лодки. Вода разбивалась о борта катеров, сносила их в море; старший матрос, находившийся рядом, проворно стаскивал с перил лестницы и крюки, падавшие в воду с громким всплеском.

Неожиданно с патрульного катера оглушительно завывала сирена, по всей видимости, пираты теряли терпение. Зловеще, как рога палеозойского животного, повернулись спаренные пулеметы, выбирая себе жертву на «Красной Сибири». В какой-то момент их стволы остановились точно на груди Григория Мажурова. Невольно зажмурившись, он на мгновение представил, что может случиться: бронебойные пули с легкостью разорвут его тело на кровавые куски, разметав их по палубе. Капитану невольно подумалось о том, что сопротивление экипажа можно легко подавить парой длинных очередей, и палуба устелится человеческими обрубками. Но они не торопили исход, а, взяв числом, метр за метром, теснили экипаж на середину палубы. Нацеленные стволы пулеметов будто бы пригвоздили капитана к месту; струя воды, не отыскав цель, била теперь в носовую надстройку, разбиваясь на мириады брызг. Секундного замешательства было достаточно, чтобы на борт взобрались еще трое пиратов. Быстрые и ловкие, они набросились на Мажурова, сбив его с ног. Выскокивший из рук шланг упал на палубу и, обрадовавшись внезапному освобождению, завертелся в диком бесшабашном танце, поливая как правых, так и виноватых. Больно ударившись коленом, Григорий был опрокинут на спину двумя сомалийцами. Прямо перед собой он видел черное лицо узколицего худого сомалийца с необыкновенно белыми белками. В нос ударил неприятный запах давно немытого тела, нутро передернуло от отвращения, но длинные узкие пальцы уже сомкнулись на шее капитана, затрудняя дыхание.

Неожиданно пират обмяк, отпустив его шею, и Невзоров ударом ноги скинул сомалийца с капитана.

– Уходим! – крикнул он. – Иначе всех нас повяжут!

Поднявшись, Григорий увидел, как сомалийцы, один за другим, переваливались через борт корабля, продолжая теснить экипаж. У капитанской рубки, не желая сдаваться, четверо матросов отмахивались топорами, не давая пиратам приблизиться, но сомалийцы, не считаясь с травмами и порезами, нацепив на автоматы штык-ножи, продолжали упорно наступать на них.

– Уходим в цитадель! – скомандовал Мажуров, стараясь перекрыть гул боя.

Неожиданно его услышали все сразу и, отступая, потянулись в кормовую часть, где помещалось румпельное отделение – цитадель.

В создавшейся ситуации это был единственно правильный выход. Вскрыть румпельное отделение без специального оборудования совершенно невозможно, а имея на руках корабельную радиостанцию, можно без труда связаться с судами, курсирующими поблизости.

Нужно продержаться только два часа, а там подойдет помощь.

– В цитадель! – повторил Григорий.

– Понял, – кивнул Невзоров.

Матросы, один за другим, отходили в кормовую часть. Пираты, предвкушая победу, им не препятствовали; судно, по их мнению, уже было взято, оставалось только понадежнее заблокировать экипаж, затем отогнать его в свои территориальные воды и запрашивать за пленников выкуп.

Отбиваясь от наступающих пиратов струями воды, моряки стали спускаться по лестнице в румпельное отделение.

– Тащите судовые канаты! – приказал капитан. – Забаррикадируйте дверь!

– Понял! – прокричал в ответ капитан-лейтенант, командир штурмового отряда.

Только бы успеть!

Огромные судовые канаты, весом почти в десять тонн, потащили в сторону цитадели. Мажуров видел, как отчаянно напрягаются лица матросов, как на их мускулистых тренированных руках вздуваются вены, как от усилия крошатся их молодые зубы. Канаты бесконечной змеей потянулись в сторону румпельного отделения.

– Поднажали, братцы! Взялись еще раз! – откуда-то снизу кричал капитан-лейтенант. В это трудно было поверить, но горстка матросов сумела втянуть тонны капроновой нити, закладывая ими вход в румпельное отделение.

– Капитан! – поднялся на корму командир штурмовой группы. – Спускайтесь вниз! Уже все готово!

– Давай, – подтолкнул Григорий замешкавшегося Невзорова и только после того, как тот сбежал по лестнице, бросил шланг прямо навстречу наседавшим пиратам.

Напор воды, ударив в грудь высокому мускулистому сомалийцу, шедшему первым, заставил его отступить назад, тем самым потеснив наступавших. Шестаков, бежавший следом, воспользовался замешательством и бросился в сторону румпельного отделения. Уже сбегаая по лестнице, капитан услышал за собой топот нескольких пар ног. Только бы не упасть! Дверь цитадели была распахнута, подле нее, вооружившись топорами, стояли два матроса.

– Быстрее! – отчаянно заорал один из них на замешкавшегося Мажурова, заметив что-то за его спиной.

Оглянувшись, Григорий увидел, как сомалиец, бежавший первым, сбросил с плеча автомат и поставил его на боевой взвод. Ствол привычно вскинулся, выбирая подходящую цель. Капитан ворвался в проем, трехтонная дверь легко скользнула по петлям, спасая экипаж от вторжения, и тотчас в бронированную обшивку глухо ударила автоматная очередь.

– Вот так... – невесело протянул Мажуров. – А замешкайся хотя бы на долю секунды.

В небольшом помещении румпельного отделения собрался весь экипаж. Нашлось место и для Юсуфа Ахмеда, он держался немного в стороне от остальных.

– Доставил ты нам хлопот, – сказал Шестаков, повернувшись к бывшему однокашнику.

– Анатолий, я думаю, что на этом дело не закончится. Вам лучше меня отпустить. Обещаю, что с вами ничего не случится, – все-таки мое слово что-то значит для этих людей.

– И не надейся!

– Все живы? – спросил Мажуров, оглядывая цитадель.

– Вроде бы все, – отозвался капитан-лейтенант, – но есть раненые, – кивнул он на старшего матроса, сидящего в углу с перевязанным правым предплечьем.

– Ерунда, – отмахнулся тот, – пуля прошла по касательной. Хотя, конечно, если бы я не проявил прыть, когда он наставил на меня ствол, все могло закончиться куда более печально.

– Ладно, синяки и порезы не в счет. Будем считать, что мы легко отделались, все-таки их раз в десять больше. Может, удастся как-нибудь здесь отсидеться. Что ты об этом думаешь, Юсуф?

– Мне кажется, вряд ли у вас получится.

– Посмотрим!

– Они ведь не смогут переправить судно к себе на базу? – спросил Олег Невзоров у капитана.

– Не смогут, – весело ответил Мажуров. – Рулевое колесо я уже заблокировал, так что с судном они не справятся. Ну, а уж мы, – кивнул он на рулевую машину, – отведем «Красную Сибирь» туда, куда нам потребуется.

Преимущество румпельного отделения заключалось в том, что здесь располагалось рулевое устройство, которым в аварийном режиме можно было управлять кораблем.

Некоторое время за дверьми было тихо, как будто пираты взяли паузу для осмысления ситуации. Григорий понимал, что надолго она не затянется. Сейчас пираты наверняка находятся в капитанской рубке и пробуют завести судно. Им потребуется не так уж много времени, чтобы понять – с капитанского мостика сделать это невозможно, и тогда они попытаются взломать дверь румпельного отделения, чтобы отсюда управлять судном и добраться на нем до берегов Сомали.

Шестаков с беспокойством глянул на приборы, так и есть: стрелка электропитания датчика положения руля указывала на то, что пираты пытаются отыскать какое-то инженерное решение, чтобы активизировать электрическую систему. Вряд ли среди них отыщутся инженерные гении, скоро их терпению придет конец, и они явятся в румпельное отделение, где находится ключ к управлению кораблем.

В какой-то момент стрелка на приборе, показывающая подачу рабочей жидкости, дрогнула; очередь за переключками рулей. Мажуров невольно напрягся: неужели среди них оказались гении и дипломированные выпускники Гарварда? Но уже в следующую секунду, будто бы устав, стрелка вновь вернулась на нулевую отметку.

– Включай аварийную систему! – скомандовал Мажуров механику. – Будем выходить из этого квадрата. Пойдем прямо навстречу «Стремительному».

– Есть, капитан! – охотно отозвался мичман, включая электропитание.

Корабль был оснащен электрической системой управления и дистанционным пультом. В стене вмонтировано рулевое колесо с панелью приборов, каждый из них находился в рабочем режиме, оставалось только поплевать на ладони и браться за рулевое колесо.

В дверь что-то громко ударило, словно ее пробовали на прочность. Гулкое эхо разошлось по румпельному помещению, затем так же сильно ударили еще раз. Били молотом, стараясь сбросить дверь с петель. В какой-то момент показалось, что бронированная дверь может не выдержать и опрокинуться вовнутрь, но нет, удержалась, и довольно стойко.

Пираты колотили со знанием дела, в местах сочленения петель, мобилизуя максимум мускульной силы. Дверь, противясь насилию, пока держалась. Но это не могло продолжаться долго, вибрируя, она готова была пасть, вырвав из проема кусок металла.

– Закрепите дверь! – приказал Мажуров.

– Нет подходящего материала.

– Ломайте поручни и подоприте дверь изнутри!

Поручни, огораживающие рулевое устройство от остальной части помещения, тотчас были выкорчеваны от пола и нашли свое место в виде подпорок к двери. Удары не прекра-

щались, теперь они раздавались сразу с двух сторон, все более разбалтывая крепежи. Дверь слегка прогнулась, и в образовавшуюся щель просунули лом.

– Тяните его на себя! Он раскучит нам всю дверь!

За первым ломом, закрепляя успех, просунулся еще один, более массивный и покрепче. Матросы, ухватившись за ломы, сумели втянуть их внутрь помещения.

Некоторое время за дверью раздавались голоса, потом послышались удаляющиеся шаги. Неужели пираты решили покинуть корабль?

И тут до Григория дошло, что...

– Отойдите от двери! – истошно закричал он.

Матросы разом отпрянули от двери, стараясь спрятаться за металлические преграды и перегородки. В спину убегающим грохнул взрыв, сорвав с петель многотонную дверь. В образовавшемся проеме, с топорами и ломом наперевес, предстали пираты. Не предполагая, что выход будет завален судовыми канатами, они с удивлением смотрели на многотонное сооружение, поднимавшееся едва ли не до самого потолка, понимая, что на его разбор потребуется не один час. Кто-то из сомалийцев, видимо, больше с досады, приподняв автомат, выпустил длинную очередь: три пули угодили в панель приборов, брызнув во все стороны стеклами и пластмассой.

Пират, стоявший ближе всех, высокий и мускулистый, наверняка бывший в этой компании за главного, что-то коротко крикнул, и два сомалийца расторопно бросились по коридору.

Интересно, что они надумали?

Через минуту они возвратились, держа в каждой руке по большой канистре и открыв крышку, принялись поливать канаты бензином. Вот, значит, до чего додумались. Заблагодарсудилось решить проблему кардинальным образом: оттащить десятитонные канаты тяжело, да и не с руки, слишком много времени уйдет; а так запалят их – глядишь, экипаж сам бросится навстречу к пиратам.

– Готовь гидранты! Огнетушители! – скомандовал Мажуров.

Высокий сомалиец подпалил зажигалкой бумагу и швырнул ее на пол. Огонь, жадно поедавая краску на металлических покрытиях, веселой колыхающейся струйкой устремился к облитым бензином канатам, вспыхнувшем тотчас, едва их коснулась ярко-красная плазма.

Пена из огнетушителя ударила в огонь, сбив его, но уже в следующую секунду в чреве скрученных канатов произошло новое воспламенение, еще более сильное. Огонь ударил под потолок, от дыма стало трудно дышать, пламя, почувствовав собственную силу, потеснило экипаж в самый угол румпельного отделения, заставило посторониться и пиратов.

Невзоров с силой крутанул кран гидранта, где-то внутри приподнялась задвижка, давая возможность сделать забор воды, и тотчас в огонь ударила упругая струя, сбивая его.

– Не давай им приблизиться! – старался перекричать Григорий шум работающего двигателя. – Поливай водой!

«Красная Сибирь», подобно, «летучему голландцу», потерявшему управление, направилась собственным ходом в открытое море. Встать бы у рулевого колеса и дать полный вперед навстречу сторожевику, но мешали сомалийцы, стоявшие у входа. Один из них приподнял автомат и сделал одиночный выстрел: пуля, от ricochetив от сваленного у входа металла, застряла в толстой обшивке.

Повернувшись спиной к струям воды, пираты продолжали поливать канаты бензином. Вылили одну канистру, за ней другую. В воздухе едко разило ядовитыми парами. Господи, откуда они взяли столько бензина?! Казалось, что горючим пропиталось все румпельное помещение...

Подожженные канаты горели неохотно, пуская облака тяжелого дыма, но с каждой секундой набирая силу, туго скрученные жгуты превращались в расплавленную аморфную

массу. Теперь от сомалийцев экипаж отделяло всего-то три ряда сложенных канатов. Их можно было растащить вручную.

– Готовься к рукопашной! – закричал капитан. – Просто так мы не дадимся.

Четверо сомалийцев ухватились за канат и довольно слаженно принялись рывками тянуть его на себя.

– Взялись! – скомандовал Мажуров и первым уцепился за канат.

Неожиданно за бортом что-то громко бабахнуло, заставив сомалийцев отпрянуть. Мускулистый пират что-то быстро заговорил. Растерянность на их лицах сменилась откровенным страхом; распиная пустые канистры и отталкивая друг друга, они устремились по коридору в сторону лестницы. На металлических ступенях раздался торопливый топот, слышались отчаянные крики. Затем так же громко, заглушая вопли, бабахнуло еще раз, отозвавшись гулким эхом в румпельном отделении.

Неужели все ушли? Что бы это могло значить?

– Что там происходит?

– Выходим!

Все поднялись на палубу. На корабле было тихо. В нос сразу ударил едкий запах жженого пороха, а по палубе стелился тяжелый едкий дым, который заползал во все надстройки, забирался в трюм, а капитанская рубка выглядела белым островком в окружении смога. На расстоянии сотни метров от «Красной Сибири» полыхал патрульный катер, с каждой секундой превращаясь в грудку раскаленного железа. С него в спущенные шлюпки высаживался экипаж. Трое уже высадились, оставался лишь четвертый, все еще не решавшийся спрыгнуть в раскачивающуюся на волнах шлюпку. Длинный, долговязый, он неловко топтался на месте, высоко поднимая ноги, словно его за пятки покусывал раскалившийся металл. Дым, распространяясь, подчас накрывал его с головой, а длинные языки едва не лизали его спину. Наконец, отважившись, он прыгнул в шлюпку, сильно ее качнув.

От обилия лодок рябило в глазах. Будто соревнуясь в скорости, они направлялись к рассыпавшимся на воде доу, потерявшим былую линейность. А на горизонте, разбивая поверхность воды в пену, удалялся второй патрульный катер.

– Сторожевик! – крикнул Невзоров, невольно обратив на себя внимание всех присутствующих.

Действительно, примерно в двух милях от «Красной Сибири» на крейсерской скорости двигался сторожевой корабль «Стремительный». Ахнули зенитные пушки, и рядом с удаляющимся катером взметнулся большой фонтан. Последний залп, скорее всего, в воспитательных целях: было бы желание, так непременно бы попали. Затем по воде россыпью ударили пули спаренного пулемета. И призывно, легко преодолевая морские мили, со сторожевика прозвучала сирена. Развернувшись, армада доу возвращалась к сомалийским берегам.

– Лихо! – проговорил Невзоров.

– А главное, вовремя, – охотно подхватил контр-адмирал Шестаков. – Опоздай они хотя бы на полтора часа, еще неизвестно, чем бы все это закончилось.

Глава 3

Пиратский город

На всем побережье Сомали не отыскать более пиратского города, чем Босасо. Состоящий из одних контрастов, где шикарные виллы тесно соседствуют с хижинами из картонных коробок, город выглядел идеальным местом для пиратской базы. Удачному пиратскому промыслу во многом способствовало само местоположение города: устье Красного моря, в точности на перекрестке путей из Африки к Аравийскому полуострову.

Ибрагим посмотрел в иллюминатор. Заходящее солнце окрасило в багрянец каменную мертвую пустыню, бесконечно длинные цепи гор и далекую полосу пляжа, окаймляющую голубизну океана. Здесь луч терялся, рассеиваясь в барашках волн.

Пилот сбавил скорость, самолет загудел и, развернувшись, начал снижение. Еще через несколько минут он вырулил на бетонную полосу и начал плавное снижение, выпустив шасси. Колеса жестко коснулись посадочной полосы, слегка тряхнув людей, сидящих в салоне.

Ибрагим поймал себя на том, что ощутил легкое волнение, подобное состояние случилось с ним крайне редко. Поездки в одиночестве были для него делом обыкновенным, подчас обстоятельства требовали именно такого путешествия, чтобы не привлекать к себе внимания. Но куда бы он ни отправлялся, его всюду встречали проверенные люди и единомышленники, всегда он оставался самым желанным гостем. Но в этот раз он очень долго размышлял, прежде чем отправиться в Босасо. От поездки его отговаривали люди, уже побывавшие в этом городе. Они называли Босасо не иначе, как сборищем различного сброда, жертвой которого может стать даже самый уважаемый человек в стране. Молодежь, произраставшая на подвигах пиратов, не считалась ни с какими авторитетами и признавала только власть денег и силы. Вместо себя Ибрагим мог отправить эмиссара «Аль-Каиды», который посчитал бы за честь исполнить просьбу эмира, но, поразмыслив, Ибрагим решил, что это тот самый случай, когда он должен присутствовать лично.

Электрокары оттащили самолет к небольшому двухэтажному зданию, больше смахивающему на общественный сортир, чем на аэропорт. Асфальта не видать, все дорожки посыпаны гравием и песком. У самого входа небольшая хибара, крытая рифленым железом, надо полагать, здесь размещалась охрана аэропорта и таможенная служба. Ибрагим в который раз убедился в том, что в Сомали не любят сложностей в хитроумных переговорах; может быть, поэтому едва ли не каждый мужчина таскал за плечами автомат Калашникова.

Сразу у трапа его встретили два человека: Абдулла и Баджжа, арабы йеменского происхождения, с которыми он был знаком по совместным поездкам по Чечне. В Сомали они входили в руководство союза исламских судов: едва ли не единственной силы в стране, пользующейся признанием большинства населения. Мало кто об этом знал, но в действительности они являлись бойцами «Аль-Каиды», готовыми исполнить любой приказ организации. По существу, они были ядром Союза исламских судов, распространяя свое влияние по всей территории Сомали, и с гордостью говорили о том, что большинство полевых командиров перешло на их сторону. Успехи по вербовке были достигнуты в кратчайшие сроки, но каждый из них понимал, что командировка в Сомали преследовала более серьезные цели, и приезд Ибрагима, одного из руководителей организации, внесет ясность в их дальнейшую работу. Как бы там ни было, но Абдулла и Баджжа готовы к любым приказам, вплоть до самопожертвования. Они всего лишь солдаты джихада и не должны прогибаться перед предратностями судьбы.

Тепло, как того требовал случай, соприкоснувшись щеками, Ибрагим поздоровался поочередно с Абдуллой и Баджжой.

– С самолета до здания аэропорта я бы мог дойти сам, – буркнул он, когда Абдулла легко подхватил его сумку.

– Здесь не так все просто, брат, – негромко произнес Бадджа, вставший от Ибрагима по другую сторону. – В этой чертовой стране совершенно нельзя никому доверять. В Босасо, если у человека нет надежной охраны, существует реальная вероятность оказаться в багажнике какого-нибудь седана. В худшем случае – можно получить пулю в затылок безо всякого объяснения. Так что у вас должно быть хорошее сопровождение.

– На чем вы меня повезете?

– В бронированном внедорожнике.

– Даже так... Мне не привыкать, – отмахнулся Ибрагим. – Абдулла, помнишь, как мы с тобой передвигались по Чечне?

– Такое трудно забыть, брат, – охотно отозвался араб. – Помнится, однажды мы угодили в засаду к федералам, нас спасло только мастерство водителя.

– Верно. Но на следующий месяц этот водитель погиб от пули снайпера, упаси Аллах его душу!

В сопровождении молчаливой охраны, состоящей из четырех крупных парней с непроницаемыми лицами, добрались до могучего «Range Rover». Один из охранников, шедших впереди, широко распахнул перед Ибрагимом дверь, и он плюхнулся в кожаное мягкое кресло, спрятавшись от любопытных взглядов за темными тонированными стеклами. Около аэропорта, искоса поглядывая на припаркованную машину, сновали молодые люди в камуфляже со стеклянными глазами, у каждого из которых за плечом небрежно болтался автомат. Такие застывшие глаза могут быть только от наркоты, поэтому следовало держаться настороже: никогда не знаешь, какая блажь может посетить их головы в следующую минуту.

Даже оказавшись в кожаном кресле автомобиля, в сопровождении многочисленной охраны из Союза исламских судов, Ибрагим не почувствовал должного успокоения.

– Что это за люди? – кивнул он на группу людей с оружием, стоявших у входа в аэропорт.

– Это? – усмехнулся Абдулла. – Их здесь называют муриааны. Их ничего не интересует, кроме наркотиков, а оружие заменяет им дом, семью, детей.

– У них очень нехорошие взгляды, – покачал головой Ибрагим.

– Поначалу мне тоже было не по себе, – отозвался Абдулла. – Но потом ничего, как-то свыкся. Здесь от них никуда не спрячешься.

Машина на большой скорости двигалась к центру города. Тяжелые широкие колеса и могучие рессоры нивелировали многочисленные колдобины и неровности. Ибрагим поймал себя на том, что испытывает удовольствие от быстрой езды.

– А чего эти муриааны толкаются около аэропорта?

Абдулла задорно расхохотался (Ибрагим успел заметить, что парень склонен к веселью).

– Они приехали сюда в расчете на то, чтобы оказать приезжим свои услуги в охране.

– Занятно.

Въехали в город. Становилось все более многолюдно. Во всяком случае, число машин значительно прибавилось, и следовало держаться с особой предусмотрительностью, потому что каждый из водителей считал, что, кроме него, участников дорожного движения больше не существует. Остановились на мигающем светофоре, пропуская могучий запыленный грузовик. Едва ли не на каждом перекрестке стояли парни в камуфляже и с оружием в руках: взгляды точно такие же, как у тех, что были в аэропорту.

– А если бы я нанял для личной охраны кого-то со стороны? – спросил Ибрагим, провожая долгим взглядом людей с автоматами.

– Я бы вам не посоветовал так поступать, – вновь заразительно рассмеялся Абдулла. – В Босасо существуют собственные правила. Для того, чтобы нанять охрану, нужно обратиться к местным властям, а они уже выделяют вам своих людей. По-другому скажу так: одни бандиты будут охранять вас от других бандитов, вот и вся разница. Но даже в этом случае вам никто не даст гарантии, что вы уцелеете. Ваша собственная охрана может отвезти вас куда-нибудь на квартиру и потом затребовать выкуп у родственников. Человек в Сомали, тем более белый, всего лишь предмет для ведения бизнеса.

– Невеселые вещи ты мне рассказываешь, Абдулла, – протянул Ибрагим, покачивая головой.

– Что поделаешь, брат, это Сомали! Но, слава Аллаху, мы чувствуем здесь себя совершенно спокойно. Подавляющая часть населения – мусульмане.

– Сколько в Сомали лагерей, где готовят воинов Аллаха?

Ибрагим посмотрел назад. За ними следовала машина сопровождения: большой пикап, в котором разместилось шесть автоматчиков в камуфляже. Встретившись с их непроницаемыми взглядами, Ибрагим поймал себя на том, что ему сделалось немного не по себе.

– Их много. Только под Босасо четыре больших лагеря. В Алуда – три, а в Хобью – еще пять! Но больше всего лагерей под Могадишо, целых десять! В лагерях готовят настоящих воинов Аллаха.

– Очень хорошо. В ближайшее время нам понадобится их помощь для крупного дела.

– Они только и ждут того дня, чтобы осуществить «джихад меча».

Задумавшись, Ибрагим провел ладонью по бритому черепу, коснулся пальцами широкой черной бороды. Со стороны он напоминал задумчивого мудрого сфинкса. Сомали была выбрана «Аль-Каидой» не случайно. Лишенная централизованной власти, она, по существу, распалась на множество территорий, в каждой из которых имела собственная власть. И единственной реальной силой оставался Союз исламских судов, имеющих тесную связь с «Аль-Каидой», с решениями которой считался каждый полевой командир. Так что территорию Сомали «Аль-Каида» воспринимала как собственный полигон, на котором можно отрабатывать различные методы террористической войны.

За разговором незаметно выехали в центр города, который сомалийцы не без иронии называли Нью-Босасо. Именно здесь расположились самые крупные особняки на всем побережье, соседствуя с ветхими хибарами и полуразрушенными домами, изрешеченными пулями.

– Что здесь было? – спросил Ибрагим, показав на груды кирпичей (надо полагать, что в другой жизни они выглядели шикарными особняками).

– Здесь шли бои между кланами Дир и Дарод.

– Вот как? И кто же победил в этой войне?

– Клан Дарод, он более многочисленный и хорошо вооружен. Тогда серьезно был ранен Максуди, глава клана Дир, – кажется, ему перебили позвоночник. Сейчас во главе этого клана Джефри Джельтмен. Но он уже совершенно не тот, что был во времена их отца.

– Кажется, клан Дарод возглавляет Юсуф Ахмед?

– Точно так, брат, – кивнул Абдулла. – Мы уже приехали, – показал он на высокий особняк, расположенный в конце улицы. Рядом стояли хибары, построенные из коробок, расщепленных досок и рваных листов жести. Столь неожиданное соседство могло показаться прихотью какого-то архитектора, не лишнего чувства гротеска и решившего подчеркнуть разницу между величием и бездной.

Вдоль тротуара неподвижно, будто вылепленные из глины, сидели несколько сухоньких тщедушных людей, перед которыми на досках лежали пачками замусоленные сомалийские шиллинги. Своей неподвижностью они напоминали статуи, какие обычно нередко встречаются перед входом в языческий храм. Едва взглянув на бритого с окладистой боро-

дой мужчину, окруженного многочисленной охраной, и не признав в нем потенциального покупателя, они тотчас потеряли к нему интерес. На улице было жарко, воздух казался таким раскаленным, что при дыхании обжигал легкие. Но усиливающийся зной их не пугал, они могли просидеть таким образом не один час кряду в надежде обменять сомалийские шиллинги на несколько пиратских долларов. Некоторым из них порой улыбалась удача.

Мимо, едва взглянув на вооруженное сопровождение, брели прохожие в белых запыленных одеждах. Неподалеку от самого дворца стояло небольшое одноэтажное здание с огромной вывеской, на которой крупными буквами было написано «Ресторан». А из распахнутых окон так и потягивало жареной верблюжатинной. Штукатурка на фасаде ресторана сбита, а на стенах, выложенных из туфового песчаника, были отчетливо различимы следы от пуль, причем отметин было так много (их с лихвой хватило бы на всех жителей города), что невольно напрашивалась мысль, не является ли ресторан излюбленным местом разборок этнических группировок. Верилось, что временами здесь бывает жарко, и дело не только в экваториальном солнце.

Из ресторана вышел костлявый сутулый старик: в правой руке он держал кусок мяса, завернутый в серую лепешку, в левой – пластиковую бутылку с водой. На его лице расплывалось блаженство. Он много прожил, еще больше повидал, а потому прекрасно понимал, что для счастья нужна всего лишь толика, которой он сейчас обладал. Этим мальчишкам с автоматами за плечами придется изрядно протопать, прежде чем им удастся уяснить эту несложную истину. Разумеется, если их не пристрелят где-нибудь на ухабах жизненного пути.

– Кто живет в этих особняках? – махнул Ибрагим на квартал, застроенный дворцами.

– Большой частью пираты, или как там они себя называют... береговая охрана.

– Вы с ними ладите?

– Куда же им деться, они стараются с нами не ссориться, – усмехнулся Абдулла.

– Оно и к лучшему, – сказал Ибрагим, поднимаясь по пологой небольшой лестнице. – У меня мало времени, нужно возвращаться в Чечню; не хотелось бы тратить его на пустое ожидание. Вы пригласили всех, кого я хотел бы видеть?

– Они все здесь, брат, – сказал Абдулла, распахнув перед Ибрагимом дверь. – И с нетерпением ожидают тебя.

Дверь закрылась. За спиной остались хижины, построенные из коробок, запах жареного верблюжьего мяса, кучи битых кирпичей, изрешеченные пулями, люди в серых запыленных одеждах, тощие и незаметные, будто сумрачные тени. За дверью осталось все то, что ассоциируется с нищетой и разрухой. Не шагнули, а будто бы переместились в другое временное пространство, где на площади в четыреста квадратных метров были собраны едва ли не все завоевания человечества: от спутникового телефона до плазменного телевизора. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: роскошь в этом доме любили.

– Мы приготовили обед, – настаивал Абдулла.

– Сначала решим все дела, – с мягкостью, о которую гнется даже дамасская сталь, ответил Ибрагим, – а уже потом можно и пообедать.

– Как скажешь, брат, – смирился Абдулла. – Все уже собрались и ждут тебя в зале.

Ибрагим прошел в зал, в котором на мягких подушках сидели восемь человек: эмиссары «Аль-Каиды» на Африканском континенте. С каждым из них Ибрагим встречался не однажды. С одними бок о бок воевал в Афганистане, с другим приезжал в Чечню с инспекцией, с третьим встречался в Европе в качестве координатора боевых действий в Ираке, с четвертым вербовал молодежь в боевые лагеря, откуда они выходили настоящими воинами Аллаха.

Заметив вошедшего Ибрагима, эмиссары дружно поднялись.

– Рады тебя видеть, брат, в добром здравии.

– Ты не меняешься, Ибрагим.

– Вот только разве что борода стала длиннее.

С каждым, как того требовал обычаем, Ибрагим поздоровался, крепко стискивая сильные руки молодых и бережно – кисти стариков.

Разместились на низких мягких подушках, предусмотрительно разложенных слугами. Для Ибрагима было оставлено почетное место у самого окна: одна большая подушка, чтобы сидеть, и две поменьше, чтобы опираться руками. В центре комнаты на низком столике стояли глубокие пиалы с чаем, аккуратными ломтиками нарезан шербет, на двух больших подносах груши и виноград, на серебряном блюде тонко нарезанное манго.

– Братья, все идет так, как мы планировали. Сейчас мы сильны, как никогда, и мы должны доказать всему миру, что способны на большие дела, – обвел Ибрагим долгим взглядом всех присутствующих. – Судно с ракетами идет сейчас по Аденскому заливу, и полагаю, что через день оно прибудет в Эйл. – Лица слушателей просветлели, кто-то одобрительно закивал. – Мы не должны забывать о том, что наша конечная цель – обратить в ислам все страны мира, и первое, что мы сделаем на пути к этой цели, – сократим численность населения бывшего Советского Союза до двадцати, максимум тридцати миллионов человек; разумеется, все они будут мусульманами. Не желающие принять ислам подлежат уничтожению... Еще одно судно идет со стороны Китая, на нем в контейнерах стрелковое оружие. Значительную часть оружия мы оставим здесь, вооружим всех бойцов в наших лагерях и захватим власть в Сомали. Сейчас для этого самое благоприятное время... Другую часть переправим в Чечню в помощь нашим братьям для борьбы с «неверными». Может, кто-то хочет высказаться?

– Все не так просто, – проговорил Рамзи, не однажды побывавший в Чечне. – В последнее время русские очень пристально следят за транспортными самолетами.

– Наш груз пойдет под эгидой Красного Креста, отказаться от помощи международной организации они не посмеют. К чему им международные осложнения... А потом у федералов даже не будет времени, чтобы его обнаружить. Самолет приземлится на запасном аэродроме, находящемся под контролем наших людей, они служат у федералов, и те им доверяют.

– Оружие нужно разгрузить быстро, иначе могут возникнуть сложности.

– Полевые командиры уже предупреждены, они подъедут точно к назначенному сроку и развезут оружие по всей Чечне. Для него уже подготовлены схроны. Разгрузка займет минимум времени, так что федералы даже ничего не заподозрят.

– Как планируется использовать оружие?

– Это оружие позволит нам начать наступательные действия в Гудермесе и Аргуне. Там достаточно наших сторонников. Среди них немало и тех, которые работают в милиции и в органах власти, они помогут нам всем необходимым. В Чечне у нас очень сильное подполье, так что федералам до нас не добраться. Есть ли возможность помочь Чечне людьми?

Абдулла поднял со стола небольшую веточку винограда, но есть не торопился – вопрос был обращен именно к нему.

– В ближайшее время в Босасо намечается выпуск сразу в двух школах: Амира и Хаттаба. Под Могадишо выпуск в шести школах: Ансара, Шахида, Амира, Курбана, Мухаджира, Рамзиля. Мы планировали задействовать их в Ираке, но можем большую часть отправить в Чечню и в Дагестан.

– Договорились. Какое настроение бойцов?

– Каждый из них рвется на борьбу с «неверными» и прекрасно представляет, что такое «джихад меча».

– Это хорошо, – кивнул Ибрагим, разгладив широкой ладонью бороду. – Нужно им объяснить, что их ратный труд будет оплачен. За каждого убитого кяфира они получают хорошее вознаграждение. Чем больше убитых, тем толще кошелек! Как собираетесь переправить сомалийцев в Чечню?

– У нас хорошие связи с нашими братьями из Грузии. Можно переправлять их через Аргунское ущелье, большая часть которого контролируется нашими людьми. Каждый из моджахедов получит хорошие документы, и для них не будет большой проблемой добраться до Грузии.

– Это один из путей, – согласился Ибрагим. – Я сам не однажды побывал в Аргунском ущелье, но его не следует перегружать, нужно искать другие каналы.

– Можно идти через Азербайджан, сейчас там много наших братьев. Они помогут!

– Из «Аль-Каиды» в Азербайджане находится эмир Сабри, у него хорошие связи с полевыми командирами.

– Я знаком с Сабри только с лучшей стороны, он очень предан нашему общему делу, – понимающе кивнул Ибрагим. – Уверен, что он сделает все возможное, чтобы провести воинов Аллаха в Чечню. Нужно объяснить, что моджахеды, проявившие себя с лучшей стороны в борьбе с неверными, будут направлены на командирские курсы. – Немного помолчав, добавил: – Хотя лучшая рекомендация для направления в лагеря комсостава – это организация массового истребления «неверных» или получение дохода в миллион долларов за счет «неверных».

– Есть ли возможность привлекать в лагеря комсостава со стороны? – спросил Абдулла.

– Разумеется. На курсы командиров должны попадать и лидеры, принявшие ваххабизм вместе со своими собственными политическими структурами.

– Часто у них измененное сознание, они даже толком не знают, чего хотят.

– В этом случае с ними должны заблаговременно проводить краткосрочные занятия по изменению сознания хотя бы до уровня среднего салафиита. Нужно объяснять, что следующим карьерным этапом должно быть направление на курсы командного состава в Пакистане или Афганистане.

– В Чечне кризис власти и очень сильно влияние тейпов, часто молодежь пренебрегает такими лагерями.

– Нам выгоден кризис власти, происходящий сейчас в Чечне, его нужно усилить для окончательного разрушения тейпов и традиционных исламских структур. Реальная власть должна перейти к шуре амиров всех основных джамаатов... – Лицо Ибрагима вдруг погрузнело. – Правда, с этим кризисом мы теряем в Чечне верных людей. В прошлом месяце был убит имам Рахман, наше доверенное лицо; через него в Чечню шли деньги на борьбу с «неверными». Каждый потраченный доллар оправдывал себя на сто процентов. Так что его место осталось свободным. Нам нужен точно такой же человек, каким был имам Рахман. У меня есть на примете такой человек – эмир Сабри. Может быть, кто-то имеет собственное мнение по этому вопросу?

– Ибрагим, – произнес восьмидесятилетний старец Иджи Абдаррахман, прибывший на встречу из Эфиопии, – мы все знаем Сабри, и знаем его исключительно с лучшей стороны, так что более достойной кандидатуры подобрать трудно.

– Вот и хорошо, – с некоторым облегчением ответил Ибрагим. – Мы ведем газават с «неверными» не только в Чечне, но и по всему Кавказу, и успокоимся только тогда, когда там не останется ни одного «неверного». Главная наша задача – создать шариатское государство между Черным и Каспийским морями и дальше по Волге и Уралу, где немало наших сторонников и братьев мусульман. По территории Урала мы разделим Россию на две части, в каждой из которых будет собственное государство. Россия, как таковая, прекратит свое существование. Сибирь разделится еще на несколько государств: Дальневосточную республику, Якутию, Бурятию, Алтай, Сахалин, Камчатку. Уже сейчас в этих районах серьезные сепаратистские настроения. Слишком далеко они расположены от Москвы, а уровень их жизни необычайно низок. Чтобы поддержать благосостояние на Камчатке, местный парламент требует с военно-морского флота плату за аренду флота, стоящего в прибрежных водах острова.

А Курильские острова к Японии ближе, чем к Москве... Мы должны изучать настроение населения и выступать на нем, как на хорошем игровом поле. Если что-то и останется от прежней России, так это Москва с ее пригородами. Такая страна, как Россия, должна исчезнуть с политической карты мира навсегда, а на ее месте должны образоваться мусульманские государства. Даже если этого не случится при нашей жизни, распад России увидят наши дети, именно они станут хозяевами ее несметных богатств. Призываю вас, братья, увеличить добровольное пожертвование, садака, пусть наш посильный взнос послужит не только беднякам и в качестве искупления собственных грехов, но и поможет участникам грядущей большой войны.

– Я увеличиваю свою долю на газават на десять процентов, – произнес Газали Хамид, выходец из Саудовской Аравии. Его отец занимался строительным бизнесом, а его семья находилась в родственных отношениях с самим эмиром. Даже если бы он увеличил закят хотя бы на один процент, это были бы многие миллионы долларов. Подобный вклад был по плечу только родственнику королевской фамилии.

Ибрагим мысленно подсчитал, в какую цифру может вылиться закят, и не сумел сдерживать довольной улыбки.

– Ты всегда был щедр, Газали.

– Два месяца назад я купил нефтяной перерабатывающий комбинат, – заговорил со своего места Садраддин Асфар, красавец, любимец фатумы. – Только в Арабских Эмиратах у меня три таких завода. Еще пять в Саудовской Аравии, два в Кувейте... В этот раз в садака я отдаю двадцатипроцентную прибыль. Уверен, что каждый цент пойдет на борьбу с «неверными».

– Мы сделаем все возможное, чтобы как можно эффективнее потратить садака.

После Садрадина Асфара увеличили закят – взнос на борьбу с «неверными» – еще трое присутствующих, входящих в высший совет «Аль-Каиды». Один из них был афганец – благообразный семидесятилетний старик с окладистой длинной седой бородой, и двое, крупные мужчины с аккуратно постриженными бородками: одного звали Кинди Исхак, а второго Маварди Максуди. Настоящее имя старика было Шихабдин Хусаин, но в Афганистане его называли Белый Хусаин, и вовсе не потому, что его волосы и борода были седыми, а оттого, что он занимался выращиванием опиума, «белой смерти». Поговаривали, что запасов готовых наркотиков при нынешнем его потреблении хватит на триста лет. Никто не знал, где содержатся основные запасы опиума, но то, что они охраняются не менее бдительно, чем аль-Кааба, было вне всякого сомнения.

Благообразный и улыбчивый Шихабдин Хусаин очень напоминал провинциального имама, пекущегося о своей пастве, вот только своим влиянием он мог бы потягаться даже с представителями королевских фамилий. Аскет по природе, Хусаин никогда не брал себе лишнего, оставляя деньги только на скромную пищу и небогатую одежду. А деньги от продажи наркотиков тратились на покупку современного оружия, на «джихад меча», на поддержание мусульманских общин в Европе и в Америке. Немалая их часть уходила на подкуп судей, на наем адвокатов, а также на лоббирование интересов «Аль-Каиды» в парламенте Европы. Деньги от продажи наркотиков отмывались через целую цепь посредников, через одноразовые фирмы, а впоследствии через подставных людей перекочевывали в европейские и американские банки, пользующиеся безупречной репутацией. Белый Хусаин был важнейшим винтиком в сложной и невероятно влиятельной организации под названием «Аль-Каида». Главное его качество заключалось в том, что он мог в любое время и в значительном количестве доставить деньги практически в любую точку планеты.

Кинди Исхак, пакистанец по происхождению, возглавлял семейный бизнес по добыче и переработке фосфатов, занимая ведущие позиции в мире. Так что увеличение садака на пять процентов совершенно не отразится на его бизнесе, просто экспортируемые удобрения

будут продаваться по более высокой цене. А, как известно, чем больше даешь садака, тем большую прибыль посылает тебе Аллах.

Маварди Максуди был из оманских арабов и слыл чудаковатым малым; подражая великим геологам Средневековья, он сочинял стихи и, как мог, поддерживал молодые творческие дарования. Свою молодость – как поговаривали, чрезвычайно бурную – он провел в Париже, разбив при этом немало девичьих сердец. Потом еще три года разъезжал по миру, довольствуясь только самым необходимым: одной парой обуви и небольшим рюкзаком, в котором был сложен комплект одежды. Никто из его университетских приятелей так никогда и не узнал, что скромный юноша, подрабатывающий разносчиком пиццы, в действительности являлся наследником газовой империи, растянувшейся по всему побережью государства.

На родину Маварди Максуди вернулся только по просьбе дряхлеющего отца, чтобы взять газовую империю в свои руки и навсегда связать себя с «Аль-Каидой». Считая газ подарком Аллаха, он, не колеблясь, отдал на садака двадцать процентов.

Попивая чай с шербетом, Ибрагим подсчитал, что только за одну встречу на борьбу с «неверными» ему удалось заполучить около ста миллионов долларов. Весьма неплохое начало беседы. Некоторая часть средств должна отойти в Чечню; как показывает опыт, активизация боевых действий происходит именно в тот период, когда сыны Аллаха получают за свой ратный труд заслуженное вознаграждение.

– «Джихад меча» – это очень хорошо, братья мои, – произнес йеменец Ахметжан, проживавший последние пять лет в Сомали. – Но мы часто забываем о том, что существует еще «джихад сердца» и «джихад руки».

Благодаря его стараниям на территории Сомали было организовано пятнадцать крупных центров Красного Полумесяца, в которых действовали эмиссары «Аль-Каиды», вербуя в свои ряды сторонников. Являясь обладателем миллиардного состояния, он занимался тем, что разъезжал по миру, выискивая союзников. Понемногу его интересы сместились в Восточную Африку – область наибольшего распространения мусульманства. По его мнению, в этой части света у «Аль-Каиды», и в целом ваххабизма, было большое будущее, и он не жалел собственных средств, чтобы склонить старейшин и вождей на свою сторону. Расцентрализованная, с населением, сочувственно относящимся к ваххабизму, территория Сомали являлась идеальным полигоном для всякого рода террористических акций.

– Мы, как настоящие правоверные, должны бороться с собственными дурными наклонностями, – продолжал Ахметжан, – и наставлять на путь истинный заблудших и сомневающих. В этом наша сила! Мы должны быть непоколебимыми в своих убеждениях и принимать жесткие дисциплинарные меры в отношении преступников и нарушителей норм нравственности, в этом и состоит «джихад руки». – Присутствующие одобрительно закивали. – «Духовный джихад» не менее важен, чем «джихад меча», именно он позволяет нам внутренне самосовершенствоваться на пути к Аллаху. О «духовном джихаде», считая его главным, много говорил и сам Мухаммад, и свои откровения он оставил в хадисах. Так что «джихад меча» – это всего лишь малый джихад, а «духовный джихад» – всегда большой джихад, и подразумевает он, прежде всего, войну с самим собой. Так что пять процентов со своего чистого дохода я отдаю в мусульманские учебные заведения медресе и метебе и на поддержку способных бедных юношей.

– Твой поступок, Ахметжан, это поступок настоящего мусульманина, он доказывает нам, что все мы едины, у нас один общий отец и духовный учитель – Аллах, – притронулся ладонями к лицу Ибрагим. Следом за ним очистительный акт совершили остальные присутствующие. – Но «малый джихад» требует от нас много сил, мы должны делать так, чтобы кяфиры нигде и никогда не чувствовали себя в безопасности. Мне кажется, что в джихад нужно активно привлекать женщин.

– Это рискованно, брат, такое решение может вызвать неудовольствие в мусульманском мире – прежде они не привлекались в качестве шахидок.

– Мы не должны кого-то бояться. – Лоб Ибрагима собрался в складки. – В борьбе с «неверными» все средства хороши. Перед ними у нас нет каких-то обязательств, и слово, данное кяфиру, не в счет! Женщины еще хороши тем, что с их помощью можно добраться в те места, куда мужчинам вход закрыт. Как правило, женщина в отличие от мужчины не вызывает подозрений. С ее помощью, если она при этом еще достаточно умна и красива, можно добраться до самого недоверчивого кяфира и уничтожить его! Нужно вести просветительскую работу среди мусульманок и объяснять им, чтобы они не боялись за своих дочерей; пусть знают, что всем шахидкам отведено место на небесах в райских кущах, где им будут петь сладкоголосые птицы.

– Не каждая женщина способна на самопожертвование. Многих из них с этим миром связывают семьи, дети, – осторожно высказался Садраддин Асфар.

– Согласен с тобой, брат, что женщин, готовых на самопожертвование, нужно искать. Но их очень много среди вдов, мужья которых стали мучениками за веру. Нужно объяснить им, что их долг заключается в том, чтобы отомстить за смерть супруга, и чем многочисленнее будут жертвы среди кяфиров, тем ближе они станут к богу, – произнес ваххабит. – Наша задача заключается в том, чтобы окружить заботой семью, в которой родилась шахидка. И помочь им материально. Нам нужен человек, который следил бы за тем, чтобы ни одна семья не осталась обиженной.

К фруктам, стоявшим на столе, практически никто не притронулся, но вот зеленый чай пили охотно, заедая его сладким шербетом. Слуги уже принесли вторую тарелку и ревностно следили за тем, чтобы пиалы не оставались пустыми.

– Я готов взяться за это дело, – ответил Маварди Максуди. – Семья каждого шахида, кроме полагающегося садака, будет получать от меня дополнительное вознаграждение. Если же у них есть дети, они не останутся без внимания, будут одеты, обуты и накормлены. Если же кто-нибудь из них проявит себя как ревностный мусульманин, мы отправим его учиться в медресе.

– Хорошо, братья, рад, что между нами такое взаимопонимание, – высказался Ибрагим. – А теперь о том, что нам предстоит сделать в ближайшее время. – Пора заявлять о себе во всеуслышание, пусть все начнут считаться с нами. Война Советского Союза с «Аль-Каидой», ваххабитами спровоцировала его распад. Теперь на очереди Америка, мы должны сделать все, чтобы в нашу борьбу с «неверными» втянулся весь мусульманский мир. Надо создать условия для эскалации более острого военного конфликта. Наверняка появятся беженцы, нужно всеми доступными средствами стимулировать их потоки. Я бы даже сказал, вообще любые значительные перемещения людей... Ситуация кризиса приводит к ослаблению традиционных структур и к усилению джамаатов. Во время этой войны мы должны быть плечом к плечу, как это происходит с нами во время молитвы в священной Каабе, и помнить о том, что все мы равны перед Аллахом. Сейчас, когда удалось доставить в Аденский залив ракетные комплексы, мы сможем сделать куда больше. Я предлагаю перекрыть Аденский залив в районе Джибути, этот участок самый узкий и наиболее удобен для перекрытия. Тогда судоходным компаниям придется отправлять свои суда вокруг Африки, а это, как вы сами понимаете, многие тысячи миль пути.

– А если они все-таки попробуют прорваться через блокаду? – спросил Абдулла.

– Вот тогда нам сполна послужат ракетные комплексы, корабли придется атаковать! Здесь наши требования всецело совпадают с требованиями пиратов – если корабли проходят вдоль берегов Сомали, следовательно, они должны расплачиваться за транзит.

– Пиратам может не понравиться, что мы посягаем на их заработок.

– Нас это не должно беспокоить, – решительно произнес Ибрагим. На какое-то время его лицо приняло хищное выражение. – Каждый из них озабочен только тем, чтобы как можно плотнее набить брюхо да обзавестись новенькой «Тойотой». У нас же иная цель – сделать ваххабизм господствующей религией. Это не будет сегодня, возможно, не получится и завтра, но каждый день, шаг за шагом, мы должны приближаться к великой цели.

– Перекрытие Аденского залива вызовет большое недовольство американцев. В Персидском заливе стоит их флот; не исключено, что они захотят вмешаться.

– Это наш джихад, наше испытание, которое мы обязаны пройти до конца. Ни одна смерть не будет напрасной, братья-мусульмане не останутся равнодушными в священной борьбе с кяфирами и приумножат наши ряды. Сейчас в районе Эйла под началом Баруди Хаджиба сосредоточен большой джамаат, они установят на кораблях ракетные комплексы и выйдут в море.

– Я знаю Баруди Хаджиба, он настоящий ваххабит, – поддержал Ибрагима Шихабалдин Хусаин. – Материальные ценности для него не имеют значения. Но где же расположен джамаат, неужели среди пиратов?

– Нет, они живут отдельно от них, в пещерах, в которых проживали аскеты еще во времена Мухаммеда.

– А почему мы не собираем садака с сомалийских пиратов, ведь все они мусульмане-сунниты? Долг каждого имущего мусульманина – пожертвование нищим, беднякам, сиротам, участникам войны...

– Они забывают об этом, значит, пришло время напомнить об их долге. Где самая многочисленная группировка пиратов?

– Их везде много, по всему сомалийскому побережью, – ответил Абдулла, – но особенно много в Могадишо, в Алуда, Босасо, в Эйле... – принялся загибать он пальцы.

– В Эйле, говоришь, – призадумался Ибрагим.

– Именно там, брат, по нашим данным, там располагается один из координационных пиратских центров.

– Тем лучше. Пора четко обозначить наши взаимоотношения.

Глава 4

Наше время пришло

Два отряда, численностью в шестьсот человек, уже на следующий день выдвинулись в небольшой поселок Эйл, расположенный на самом берегу сомалийского побережья.

Еще совсем недавно заброшенный рыбацкий поселок за последние десять лет превратился в один из пиратских центров, где жалкие полуразрушенные лачуги соседствовали с современными новостройками. Число дорогих машин, в том числе и внедорожников стоимостью в пятьдесят тысяч долларов, приближалось к количеству населения. Благополучие так и выпирало из него колючими уродливыми углами. Пиратство было главной отраслью, за счет которой кормилось девяносто процентов жителей побережья. Впрочем, неудивительно: подобное происходило на всем побережье Сомали, и теперь рыбаки охотно использовали свои лодочки в качестве транспортного средства для переправки пленников в поселок.

Поселок, спрятанный между горами, можно было бы и не заметить, если бы не восемь кораблей, стоящих в небольшой бухте.

Баруди Хаджиб совершил намаз – первую молитву на рассвете – в просторной пещере, используемой правоверными под мечеть. В пещере было прохладно и сухо, каменный пол устилали дорогие персидские ковры, на шершавых гранитных стенах висели куски материи с искусно вычерченными шамаилами, небольшие тексты, помещенные в рамки, суры из Корана, поговорки. Сюда пять раз в день приходили молиться обитатели общины, проживавшие в многочисленных пещерах, разбросанных по всему побережью. Чтобы не осквернить молельный дом, они оставляли обувь у самого порога и, повернувшись лицом к михрабу – нише в скальной поверхности, указывающей направление на Каабу, – совершали молитвы.

Это был джамаат – локальная мусульманская община, созданная «Аль-Каидой» несколько лет назад. Каждый член джамаата прошел курсы обучения в иностранных лагерях ваххабитов, а Баруди Хаджиб дослужился до амира и имел право на широкую проповедь ваххабизма.

Главная задача джамаата заключалась в том, чтобы присматривать за береговой охраной, которая предпочитала проживать близ берега в коттеджах с кондиционерами. И вместе с тем джамаат должен был следить за потоками грузов, проходящими через Аденский залив.

Лишь на первый взгляд могло показаться, что людей, составляющих джамаат, связывала только мечеть, в действительности же на скалах Эйла расположился крепкий боеготовый и многочисленный отряд, прошедший боевую выучку в Афганистане и Чечне. Всюду, где они пребывали, главная задача джамаата заключалась в том, чтобы раздуть сепаратистское движение и по возможности поддержать его, становясь при этом наиболее боеготовой частью. Военные успехи во все времена притягивают молодежь, поэтому численность их постоянно увеличивалась.

В этот раз ваххабиты джамаата проживали обособленно от остального населения побережья и крайне редко выходили с ними на контакт. Казалось, что проживающие в пещерах и большую часть проводящие в молитвах люди вряд ли думают о земном, и многие очень удивились бы, узнав, что на самом деле малоразговорчивые люди в многослойных арабских одеждах – один из самых боеготовых отрядов «Аль-Каиды». Наверняка они удивились бы еще больше, узнав о том, что подавляющая часть аскетов, поселившихся за поселком в пещерах на почти неприступных скалах, в действительности являются отпрысками могущественных семей Ближнего Востока. Выбранный ими путь – «джихад меча» – столь же естественен для них, как сон или омовение перед молитвой. Этих людей по-настоящему угнетало только одно – долгое ожидание предстоящего дела, ради которого они прибыли на выжжен-

ную солнцем африканскую землю. Но, видно, Аллах не случайно послал им такое испытание, поэтому, собрав воедино волю, им приходилось вставать на путь «джихада терпения».

Баруди Хаджиб вышел из пещеры, повязал тщательно арабский головной убор ихрам так, чтобы он равными сторонами спадал на плечи, и зашагал по каменистой тропе на самый верх к своей пещере. Со стороны могло показаться, что пещера неприступная, с обеих сторон она обрывалась вниз глубокой пропастью, и требовалось немало расторопности, чтобы преодолеть крутой горный отрезок. Но Баруди Хаджиб не сетовал – еще одно испытание Аллаха, с которым следовало смириться. В ста метрах от мечети располагалось несколько пещер, где проживало около сорока человек; дальше, точно в таких же просторных пещерах, – еще восемьдесят! Так что небольшой скальный участок, расположенный на пятьсот метров выше уровня моря можно было считать густонаселенным. При желании в течение нескольких минут можно было собрать до пятисот бойцов.

Остановившись, Баруди Хаджиб поправил кожаную сумку мизуду, в которой обычно носил спутниковый телефон, и заторопился выше. Через несколько метров была каменная площадка, откуда великолепно просматривался поселок и небольшая гавань, заставленная кораблями, большая часть из которых являлась добычей пиратов. У пирса стояло несколько человек; Баруди Хаджиб без особого труда – в основном по европейской одежде и по безнадёжности, что была запечатлена на их лицах, – узнавал пленников. Их не пытались загнать в трюм захваченных кораблей, как, возможно, поступили бы где-нибудь в Нигерии или в акватории Индонезии, не покрикивали на них, не заводили с ними разговоров; создавалось впечатление, что на пленников вообще не обращали внимания. Но в действительности все было не так: где бы они ни находились, за ними наблюдали десятки беспристрастных и заинтересованных глаз. Чаще всего это были мальчишки, что следовали за ними по пятам, назойливо выпрашивая у них завалившийся цент. Среди захваченных выделялись парень и девушка, судя по всему, русские, державшиеся в сторонке ото всех остальных. Сомалийцы утверждали, что за них обещали солидный выкуп, а потому к ним негласно приставили дополнительную охрану.

Собственно, и бежать-то пленникам было некуда: поселок со всех сторон обступали горы, а далее ровной поверхностью продолжалась каменистая пустыня, столь же выжженная.

Небольшая горная речушка, пробившая узкую дорогу через серый гранит, разливалась в самом устье полноводной рекой, образуя равнину, заросшую высокой режущей травой. На ней, распугивая гнус длинными хвостами, паслись коровы: верная примета увеличивающегося благосостояния сомалийцев. Чуток поодаль, огораживая небольшое пастбище, расположились разборные жилища из верблюжьих шкур, напоминающие юрты. Вокруг них живая изгородь из высоких кактусов – своеобразный загон для скота.

Метрах в трехстах от берега, едва ли не упираясь в подножие скалы, стояло шесть длинных прямоугольных жилищ, ариш, стены которых были выложены из кирпича-сырца, а крышей служили аккуратно уложенные длинные пальмовые листья. По ночам из жилищ слышались звуки бубна, стучали барабаны, но особенно запоминающимся был звук, извлекаемый дутьем из морской раковины. Судя по тому, что подобный праздник случался едва ли не каждый день, можно было предположить, что в поселке кто-то умирал или кто-то рождался, а то и заявлялся с заработком и с богатой поклажей. А вот на каменистой пологой террасе, упиравшейся в стену из красного кирпича, расположился поселок с современными домами, имелось даже казино с огромной вывеской (навверняка его люминесценция была видна за несколько миль). По узким дорогам лихо развезжали дорогие внедорожники. Хотя ехать особенно было некуда – всего-то узенькая полоска суши вдоль океанического побережья.

Трудно поверить, что каких-то лет двадцать назад здесь располагался умирающий рыбацкий поселок. Теперь, когда его заняли пираты, он испытывал настоящий расцвет. Вообще-то пиратство было едва ли не единственной востребованной профессией, вокруг которой кормилось множество народу. Хозяйки готовили для пиратов еду; рыбаки предоставляли им в аренду свои доу и катера, на которых те совершали пиратские набеги; безработные за небольшую плату помогали им стеречь пленников. Буквально поголовно все юноши мечтали стать пиратами, чтобы иметь много денег и красивых любовниц, а девушки мечтали выйти за них замуж и проживать в роскоши. Так что пираты в Сомали для всех людей стали едва ли не родными, а отцы на десятилетие своих сыновей вместо резных безделушек дарили им настоящие автоматы Калашникова с обязательным пожеланием, чтобы те когда-нибудь стали пиратами. И потом, пираты в черных платках, скрывающих лицо, и с автоматами за плечами выглядели весьма романтично для молодежи, а на девушек подобный наряд и вовсе оказывал неизгладимое впечатление.

Неожиданно прозвенел звонок. Отсюда, почти с заоблачной высоты, переливчатая трель показалась Баруди Хаджибу почти нереальной – так о себе может напоминать разве что Всевышний или, может быть, один из его приближенных.

Вытащив телефон, Баруди Хаджиб произнес:

– Слушаю.

– Баруди?..

Узнав голос Ибрагима, Хаджиб невольно сглотнул. Неужели пробил назначенный час?

– Да, это я, брат, – стараясь подавить в груди распиравший восторг, отозвался он.

Слышимость была отличной, как если бы амир стоял от него всего-то на расстоянии вытянутой руки.

– Пришло твое время, амир.

– Я готов. Что нужно делать?

– Посмотри на залив, сейчас должен подойти корабль...

Вытащив бинокль, Баруди Хаджиб всмотрелся в спокойную гладь, на которой раскачивалось десятка три легких лодчонок, видно, дожидавшихся своего часа для пиратского промысла, и четыре доу, устремившихся на малом ходу в глубь от берега – осколок рыбацкой флотилии, прежде базировавшейся в поселке Эйл. Ровным счетом ничего такого, что могло бы заинтересовать. Еще в гавани стояли три сухогруза и два танкера, захваченных накануне, но вряд ли Ибрагим говорил о них.

Баруди Хаджиб уже открыл было рот, чтобы высказать недоумение, как в сетку окуляров угодил длинный контейнеровоз с высоким грузом на борту, укрытым брезентом. Через плотную грубую материю угадывались очертания углов ящиков; было видно, что они большие и тяжелые. Судно, несмотря на двигатели, работающие на полную мощность, двигалось медленно, а на расстоянии несколько миль могло показаться, что оно и вовсе идет с показной ленцой.

Баруди, родившийся в портовом городе и половину жизни прослуживший на море, сразу угадал принадлежность груза: это могло быть только оружие. Ясно, что очень серьезное, с грузом меньшего значения Ибрагим просто не стал бы связываться. Но вот какое именно оружие, угадать было весьма сложно. Если стрелковое, его обычно перевозят в длинных подъемных ящиках; взрывчатые вещества, соблюдая меры предосторожности, везут в металлических. Но такие ящики не отличаются массивностью, да и не будут столь тяжелыми. А увиденные контейнеры поражали не только своей длиной, но и тяжестью; казалось, что контейнеровоз держат за корму шайтаны. И тут Баруди Хаджиба осенила догадка, от которой запершило в горле.

– Да, я вижу судно, – проговорил амир, – оно идет вдоль берега. Через часа два подойдет в поселок.

- Как оно называется?
- «Альмагест».
- Верно.
- Ты в курсе, что на этом корабле?

От заданного вопроса по заправке пробежали мурашки. Надо знать Ибрагима, который не доверял никому, даже своему ближайшему окружению. Может, какими-то своими действиями он вызвал его неудовольствие или, хуже того, был оклеветан недоброжелателями или заподозрен в предательстве, вот поэтому Ибрагим решил устроить ему дополнительную проверку?

Следовало вести себя так, как будто ничего не происходит. Ибрагим обладал повышенной подозрительностью, так что его могли насторожить даже взволнованные интонации.

Баруди Хаджиб с силой сжал агатовые четки, почувствовав, как они хищно впиваются ему в ладонь, и мысленно обратился за помощью сразу ко всем святым. «Свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха, и свидетельствую, что Мухаммад – посланник Аллаха...»

Молитва-просьба помогла, задышалось ровнее.

- Понятия не имею, брат, но я всю жизнь провел на море и могу догадаться.
- И что, по-твоему, может быть в этих контейнерах?
- Груз покрыт брезентом, – осторожно начал Баруди, – а через материю отчетливо угадываются длинные громоздкие ящики... Если на них смотрит человек, которому уже приходилось наблюдать подобные вещи... Мне думается, что это ракетные комплексы.

– А ты наблюдательный, амир.

– Наблюдать – моя профессия, брат. Я догадался по пусковой установке – обычно она стоит под наклоном тридцать пять градусов к палубе, как и здесь. А это слишком отчетливые контуры. Мне было бы труднее определить, если бы груз был скрыт каким-то навесом или спрятан в надстройки; обычно так и делают, когда перевозят нечто подобное.

– Твое замечание верно. Почему же этого не сделали?

– Мне почему-то думается, что у людей, которые загружали ящики на судно, просто не было времени.

– Ты в очередной раз удивил меня, Баруди Хаджиб, а это еще раз доказывает, что мы не ошиблись в тебе. На судне действительно находится корабельный комплекс с противокорабельной крылатой ракетой типа Х-55. И загружали их действительно в большой спешке. Ты знаешь, из чего состоит ракетный комплекс?

– Противокорабельная крылатая ракета, транспортно-пусковой контейнер, пусковая установка, корабельная автоматизированная система управления, а также комплекс наземного оборудования с аппаратурой проверки ракеты, – отчеканил Баруди.

– Все так! Я не перестаю удивляться тебе, брат.

– Я – военный человек.

– Где ты обучался?

– Военному делу я учился во многих странах... В том числе и в России.

– Там хорошая школа.

– Да, я сумел в этом убедиться. В чем моя задача, брат?

– Твоя задача состоит в том, чтобы груз оставался в целостности и сохранности. В ближайшее время мы намерены перекрыть Аденский залив для всех кораблей. Кто желает с нами дружить, должен платить деньги за прохождение своих кораблей через наш кордон, а если нет, мы просто пускаем эти корабли на дно.

– Решение очень смелое, – осторожно произнес Баруди Хаджиб, – оно может не понравиться сомалийской береговой охране, что базируется в Эйле. Они тоже захотят заполучить деньги с этой акции.

– Уверен, что так оно и будет в действительности. Твоя задача состоит в том, чтобы не дать им возможности вмешаться в наши дела. Желательно сделать это как-то поддипломатичнее, похитрее, но следует дать понять, что мы не отступимся от своего. Ты умный, Баруди, так что попробуй подобрать соответствующую причину, чтобы они ушли из поселка и не помешали нашим планам.

– У меня уже есть план.

– Вот и отлично!.. Еще вот что: у Юсуфа находится одна молодая русская пара. Убей их!

– Считай, что они мертвы, брат.

Баруди Хаджиб отключил телефон. Добравшись до пещеры, он вытащил из небольшого сундука ракетницу и выстрелил в сторону залива. Ракета со зловещим шипением устремилась вверх. Добравшись до самого купола неба, она на некоторое время зависла, как если бы залюбовалась развернувшейся панорамой из островерхих гор и синего моря, а потом медленно, выпустив парашют, стала оседать в узкое ущелье.

Ровно через час после выпущенной ракеты командиры отрядов должны собраться в просторной молельной мечети. Времени ровно столько, чтобы обо всем подумать, переодеться в одежду, подобающую воинам Аллаха, и, спустившись, ожидать гостей.

Ровно через час Баруди Хаджиб был в молельной комнате. А еще, с интервалом в несколько минут, в пещеру вошли двадцать человек – полевые командиры джамаата. Тепло, как это положено при встрече, Баруди поздоровался с каждым из них, а потом, преодолев три ступени, выбитые в гранитной толще, поднялся на минбар – небольшое возвышение, с которого обычно читаются проповеди в мечетях.

Его встретили внимательные, заинтересованные взгляды единомышленников. Прошел почти год с того самого времени, как они поселились на этой горе. Каждый из них не ведал о том, сколько именно им придется находиться на Африканском континенте, но знал, что это время закончится в тот самый момент, когда над молельной комнатой взмлет красная ракета. Значит, оно пришло. Никто из полевых командиров не думал о том, как обойдется с ними судьба через несколько часов, но в спокойных, почти отрешенных взглядах собравшихся Баруди Хаджиб видел стремление к самопожертвованию. Перед ним стояли воины Аллаха, готовые ради собственных убеждений пойти на смерть.

– Наше время пришло, братья, – наконец произнес он. И тотчас увидел, как лица собравшихся чуточку размякли: уж лучше поле брани, чем затянувшееся ожидание. – Сегодня мы должны исполнить то, для чего нас призвал Аллах, – помочь нашим братьям в борьбе с «неверными». Пусть каждый из вас сообщит своему отряду о приближающемся «джихаде меча». Собираемся через три часа у подножия скалы... Аллах акбар! – притронулся ладонями к лицу Баруди.

– Аллах акбар! – в едином порыве выдохнули присутствующие.

Глава 5

Благоразумное решение

Дверь открылась, и в дом вошел Сейфуддин, один из авторитетнейших старейшин клана, под его началом было четыреста хорошо вооруженных бойцов.

– Алимджан, сегодня ночью русская пара сбежала.

– Как? – помрачнел Алимджан.

– Уехали на машине.

– Каким образом? К ним же была приставлена охрана.

– Охрана ушла сразу же, как только Юсуф отбыл на катере. Я уже организовал погоню, но время упущено; возможно, сейчас они уже на границе с Эфиопией.

– Охрану наказать!

– Уже наказали. Больше им не придется нас подводить.

Сейфуддин ушел так же неслышно, как и вошел.

Алимджан, оставшийся по решению старейшин клана за Юсуфа Ахмеда, в новой для себя роли чувствовал весьма неуютно. Одно дело находиться рядом с первым лицом и быть чем-то вроде советника, и совсем другое – самому принимать ключевые решения, от которых зависят жизни сотен людей.

Ясно одно: пленение Юсуфа Ахмеда было тщательно спланированной ловушкой. Несмотря на серьезные попытки отбить главу клана, из этой затеи так ничего и не вышло. Кроме того, не все вернулись живыми: был затоплен новейший патрульный катер, который Юсуф Ахмед приобрел всего-то полгода назад, и три лодки с береговой охраной. Теперь, оставшись без предводителя, клан заметно сдавал позиции. Новость о том, что Юсуф Ахмед захвачен русскими, следовало держать в строжайшей тайне. Воспользовавшись его пленением, враждебные кланы не упустят возможности отвоевать захваченные территории, и клан Дарод втянется в новую изнурительную войну.

Странно было другое: корабль «Красная Сибирь» не спешил покидать район влияния клана Дарод и, бросив якорь, стоял неподалеку от берега уже вторые сутки, как если бы чего-то ждал. Три доу, замаскировавшись под рыболовецкие шхуны, стоявшие в прямой видимости от судна, передавали о том, что на нем шла обычная жизнь, наполненная буднями. Однако Юсуфа Ахмеда видели лишь однажды: в сопровождении капитана и контр-адмирала. Они прошли вдоль борта, посмотрели в бинокль на сомалийский берег, а потом столь же дружно направились в каюты. На пленника он был мало похож. Точнее, не похож вовсе. Юсуф в обществе капитана и адмирала чувствовал себя спокойно, как если бы они были знакомы не один день. Наблюдатели не без удивления рассказывали о том, что Юсуф был весел и совершенно не выглядел удрученным. Во всяком случае, среди своих людей он выглядел куда более сдержанным.

Рядом с «Красной Сибирью» находился русский сторожевой корабль «Стремительный». Такая опека не могла продолжаться до бесконечности, судно уйдет по транспортному коридору сопровождать другие корабли. Остается только подождать, когда «Красная Сибирь» останется в одиночестве, и осуществить ее захват.

Неожиданно за окном раздался хлопок, напоминающий пистолетный выстрел. Откинув занавеску, Алимджан увидел, как над горой, расположенной сразу за поселком, взметнулась к небу красная ракета. Достигнув самого брюха облака, она вдруг неожиданно зависла в воздухе, опалив его багрянцем, а потом медленно, выпустив парашют, начала снижение. Возможно, он не обратил бы внимание на этот выстрел, – мало ли что происходит за окном! – не в диковинку выстрелы из гранатометов, а уж пистолетным и вовсе никого не удивишь. Но в этот раз, будто бы подстегиваемый предчувствием, он прильнул к окну и с замиранием

сердца наблюдал за тем, как красный огонь, все более распаяясь, обжигал светом базальтовые пики и глубокие гранитные расщелины. Не достигнув кроны деревьев, огонь неожиданно погас, словно его и вовсе не было.

Алимджан закрыл окно. Дурное предчувствие не оставляло: что-то должно произойти.

Опасения оправдались три часа спустя, причем сполна, когда он услышал на пороге уверенные шаги нескольких пар ног. Дверь приоткрылась, и в комнату, в сопровождении двух человек, вошел Баруди Хаджиб. От неулыбающегося жестковатого лица с аккуратно постриженной бородкой так и веяло серьезной угрозой, а большие карие глаза взирали с острой пронизательностью, выведывая самое потаенное. И вообще народ, поселившийся на скале в пещерах, Алимджану не нравился. Такое жилище подходит для летучих мышей, но уж никак не для людей. Рослые, мускулистые, с такими же непроницаемыми лицами, как у Баруди Хаджиба, они выглядели родными братьями, в них отчетливо прочитывалось фанатическое убеждение, ради которого они способны пойти на самопожертвование.

Алимджан всегда считал, что подобное соседство принесет беду, и даже предлагал Юсуфу Ахмеду вытеснить чужаков за территорию поселка, пока дело не зашло слишком далеко. Но тот, безразлично махнув рукой, отвечал: «Они нам не помешают». Только значительно позже Алимджан понял, что за беспристрастной маской Юсуф прятал почти животный страх: он боялся людей, выбравших для своего жилья давно заброшенные пещеры.

Теперь, оказавшись рядом с Баруди Хаджибом, Алимджан вдруг увидел, что тот значительно выше и моложе, чем это могло показаться поначалу. Может, это ощущение возникло оттого, что прежде приходилось видеть его издалека: то спускавшегося вниз за колодезной водой, то поднимавшегося к молельной пещере.

– У тебя хорошо идет бизнес, – неожиданно улыбнулся Баруди, показывая крупные крепкие зубы, которыми запросто можно перегрызть горло врагу.

– О каком бизнесе ты говоришь? – спросил Алимджан, не желая пропускать гостей в глубину комнаты.

– За тот год, что мы провели в пещерах, – кивнул Баруди в сторону горы и сдержанно улыбнулся, – ты захватил пятьдесят четыре судна. Среди них были как маленькие – яхты, прогулочные катера, пассажирские корабли, с которых ты с Юсуфом брал по пятьдесят и сто тысяч долларов в качестве выкупа, – так и большие: круизные лайнеры, танкеры, сухогрузы, с каждого из которых ты брал от трех до пяти миллионов долларов. Получается вполне приличная сумма.

– У тебя неверная информация, – как можно хладнокровнее произнес Алимджан.

– Ты, видно, полагаешь, что все свое время мы проводим только в молитвах? – продолжал улыбаться Баруди. – Совсем нет! Мы умеем хорошо считать, а с горы видно куда дальше, чем с равнины. Мы знаем о каждом полученном тобой долларе, так что тебе нет смысла лукавить. Не удивляйся, узнать не сложно: достаточно спросить последнего старика в поселке, и он с точностью до последнего цента скажет, какова была сумма выкупа.

– Что вы от меня хотите?

– А вот это деловой разговор.... Ты должен заплатить садака в международные фонды джихада.

– И какая будет цифра?

– Немного. Всего-то десять миллионов долларов.

– На джихад идет всего лишь пять процентов от общего дохода. Мы не получали таких денег.

– Ты забываешь о том, что это не только закят, взнос на борьбу с «неверными», но это еще и помощь неимущим и сиротам.

– У нас не будет таких денег в ближайшее время, – глухо повторил Алимджан.

– И где же ваши деньги?

– Они потрачены.

– Так мы не договоримся. Деньги в джамаат ты должен передать в ближайшие три дня.

– Вам придется подождать. И потом, я не решаю таких вопросов. – Широкая ладонь ваххабита притронулась к стриженной бородке. Рука, покрытая черными густыми волосами, была мускулистой и, вероятно, очень сильной, привыкшей к каждодневным физическим упражнениям. В таких пальцах легко представить как рыболовецкую сеть, так и гранатомет.

– Возможно, я смогу обождать, он может подождать, – ткнул Баруди Хаджиб в ваххабита, стоявшего рядом. – Даже он может немного потерпеть, – повернулся он к порогу, где стоял другой охранник. – Но как ты объяснишь причину задержки садака детям и обездоленным, кто нуждается в твоей помощи? Ты им тоже скажешь обождать?

Алимджан подавленно молчал. Положение было сложное. Окажись на его месте Юсуф Ахмед, он наверняка что-нибудь бы сообразил.

– Думаю, что они тебя просто не поймут. Срок тебе три дня, после полуденной молитвы джамаат должен получить деньги, – твердо произнес Баруди.

– А если я не смогу их достать, что тогда?

– В таком случае, я бы тебе посоветовал уйти отсюда и вообще не попадаться мне на глаза. Я бы не хотел проливать кровь единовеца.

– Кажется, я тебя понял.

– У тебя есть двое русских, мужчина и женщина, ты должен отдать их мне.

– Это не по правилам, Баруди, этих людей захватил наш клан, – отрицательно покачал головой Алимджан.

– Юсуф не забыл, кто именно разработал эту операцию?

– Не забыл. Но они стоят денег.

– И сколько же ты за них хочешь?

– На это может ответить только Юсуф, это его люди.

– Может, ты предлагаешь мне поторговаться за них, как на базаре?

– Торга не будет, – после недолгого молчания произнес Алимджан, – сегодня ночью они сбежали. Если тебе удастся их захватить, тогда они твои.

– Хорошо, я проверю твои слова. И молись Аллаху, чтобы они оказались правдой. Аллах акбар, – попрощался Баруди Хаджиб.

Приоткрыв дверь, Алимджан наблюдал за тем, как троица моджахедов, не оглядываясь, пересекла двор и, распахнув калитку, вышла на улицу. Его переполняло бессилие, замешанное на злобе; он поймал себя на том, что ему очень хотелось бы увидеть профиль Баруди в нитях оптического прицела. Когда ваххабиты скрылись за высокой оградой из колючих кактусов, он со злостью захлопнул дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.